

New York Times Bestseller

ВЕНДИ УИЛЬЯМС

ЛОШАДЬ

Биография
нашего
благородного
спутника

Лучшая книга 2015 года
по версии *The Wall Street Journal*

Nautilus Book Awards

Венди Уильямс

Лошадь. Биография нашего благородного спутника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40277934

*Лошадь. Биография нашего благородного спутника: Азбука-Аттикус;
Санкт-Петербург; 2019
ISBN 978-5-389-16228-0*

Аннотация

Человека привычно считают вершиной эволюции, но лошадь вполне может поспорить с нами за право носить это гордое звание. Ни у одного животного нет таких удивительных способностей к приспособлению и выживанию, как у лошади. Этим выносливым созданиям не страшны резкие перепады температуры, град, мороз, жара и снегопад. Они способны жить буквально повсюду, даже в пустынях Австралии и за полярным кругом в Якутии. Любитель и знаток лошадей, журналист Венди Уильямс проследживает их историю, насчитывающую свыше 56 миллионов лет, – от эогиппусов и эпигиппусов до гиппарионов и современной лошади.

«Моя книга – своего рода научный экскурс в историю лошади как биологического вида, а также исследование связи между ней и человеком. Экспедиции и интервью со многими учеными в разных концах мира, от Монголии до Галисии,

с археологами, изучающими доисторические поселения во Франции и Стране Басков, с палеонтологами, работающими в Вайоминге, Германии и даже в центре Лос-Анджелеса, открыли мне историю совместного пути лошадей и людей сквозь время, позволили исследовать наши биологические сходства и различия, а также подумать о будущем лошади в мире, где господствует человек». (Венди Уильямс)

Содержание

Венди Уильямс	5
Пролог	9
1	20
2	79
3	133
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Венди Уильямс

Лошадь. Биография нашего благородного спутника

*Посвящается всем коням мира, пронесшим меня
по пути своих великих приключений*

*И еще – удивительной Диане Дэвидсон, моей
подруге и поклоннице океана*

*...нет числа сокровищам его; и наполнилась
земля его конями...*

Ис. 2:7

Wendy Williams

THE HORSE

The Epic History of Our Noble Companion

На обложке:

Картина Джорджа Стаббса «Уистлджакет»

© Vostock Photo Archive

© Wendy Williams, 2015

© Соколов Ю. Р., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2019

Увлекательно и в высшей степени познавательно.
Истинный подарок всем любителям лошадей.

The Independent

Наконец появилась книга, подробно объясняющая долгое эволюционное преобразование, в конце которого мир обрел современную лошадь со всеми ее великолепными породами.

Франс де Вааль, приматолог, доктор философии

Захватывающее чтение, которое раскрывает истинный драматизм эволюции лошади, рассказывает об истоках ее родословной и о давней влюбленности человечества в это самое величественное из животных.
Тамсин Пикерел, автор книги «Собаки. Без поводка и намордника»

Эта книга изменит ваше отношение к лошадям в лучшую сторону.

Николас Эванс, автор книги «Заклинатель лошадей»

Узнайте больше о взаимоотношениях между человеком и его верным спутником – лошадью, чтобы понять всю глубину взаимной любви.

Элизабет Леттс, автор книги «Снежок»

Исследование психологии, необычайно богатой эмоциональной жизни лошадей, их эволюции, биологии, истории взаимоотношений с человеком, рисующее совершенно новый образ этого благородного животного.

Джон Льюис-Стемпел, автор книги «Англия. Автобиография»

Повествование захватывает ум и затрагивает сердце. Превосходный рассказ об отношениях между лошадьми и людьми с точки зрения эволюции.

Дэвид Джордж Хаскелл, профессор биологии Южного университета

Глубокое изучение лошадей и истоков человеческого увлечения ими.

Тор Хэнсон, биолог

Ода одному из самых харизматичных млекопитающих на земле. Важная книга о наших непростых взаимоотношениях с животным, на которого мы охотились и которого почитали и приручали.

Брайан Свитек, палеонтолог

Искренний рассказ, пронизанный любовью к лошадям.

The New York Times Book Review

Пролог

Конь с заднего двора

...Он несется по воздуху; земля звенит, когда он заденет ее копытом. Самый скверный рог его поспорит в гармонии со свирелью Гермеса.¹

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Генрих V

Некогда у меня жил невысокий конек, пегий с белой гривой метис моргановской породы, которого я самым определенным образом была недостойна. Конь этот являлся истинной жемчужиной в своем роде, а я была в то время еще слишком молода и невежественна, чтобы понимать это. Я воспринимала его как данность. По утрам я седлала его и ехала по вермонтской грунтовке в начальную школу, в которой преподавала игру на пианино. Там мой меринок оставался на привязи, упорно пытаюсь пощипать траву, пока выбежавшие во двор на перемену дети бесконечно досаждали несчастному животному своими проявлениями симпатии.

Дети были в восторге от того, что на их школьном поле гулял конь. Не думаю, что сам Уиспер разделял их радость. Подозреваю, что он воспринимал рой возбужденных ребятшек как некое подобие стаи особенно крупных оводов – то

¹ Перевод Е. Бируковой. – Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.

есть как то, что оставалось только терпеть. Уиспер проявлял безупречное терпение по отношению к ним. Более вежливо-го коня у меня никогда не было.

Зимой я привязывала тонкие бревнышки к луке моего ковбойского седла и заставляла своего коня тащить их по снегу через лес к моему дому, где их ждала печурка. Я видела такой способ по телевизору, и он казался мне чрезвычайно романтичным. Уиспер, уверена, не разделял моей любви к подобной экзотике. Я получала с этих бревен свои БТЕ,² а на его долю выпадала тяжелая работа. Я нагружала коня, но он никогда не жаловался и даже ни разу не лягнул меня, хотя, бесспорно, имел на это право. Мне бы хотелось прожить собственную жизнь с таким же достоинством и силой духа.

Некоторые люди утверждают, что кони, принимая такое обращение со стороны людей, демонстрируют тем самым недостаток интеллекта. Я в это не верю. Уиспер был упорным прагматиком, который в тех случаях, когда не мог получить желаемое у парадной двери, без труда находил путь к заднему крыльцу. Изобретательности ему было не занимать. О, это был выдающийся ум, Эйнштейн в лошадиной шкуре, гений, решительным образом настроенный на выживание, как и многие лошади, принадлежащие людям, которые подобно мне не знают самых азов внутренней жизни своих коней.

² Британская тепловая единица. – *Прим. пер.*

В моей скромной конюшне на склоне вермонтского холма было всего два денника³ и не было проточной воды. Обычно я таскала воду ведрами вниз от дома – от уличного крана. Это требовало известных усилий с моей стороны. Однажды я решила больше не таскать полные ведра и привела Уиспера и его приятеля, нечистокровного першерона Грея, к дому, к ведерку с водой, стоявшему под краном. Идея эта показалась мне великолепной.

Однако посвящение Уиспера в тайну появления воды оказалось серьезной ошибкой. Несколько месяцев спустя я чересчур задержалась в гостях и вернулась домой слишком поздно для того, чтобы вовремя покормить и напоить обоих коней. Я ощущала беспокойство – не настолько большое, как следовало бы. Кони не умрут, если их распорядок дня будет нарушен. Подумаешь, великое дело...

Однако, как известно любому порабатавшему в конюшне мальчишке, лошади начинают топать, мотать головами, фыркать и кусать доски денника почти сразу после того момента, когда им должны были принести еду. Паника будет только усиливаться: лошади беспокоятся, когда их ожидания не оправдываются.

³ Денник – помещение для лошади в конюшне.

Некоторые лошади со спокойствием принимают опоздание кормежки, но многие пытаются изменить ситуацию.

Когда в тот вечер я въехала на ведущую к дому дорогу, меня встретила огромная лужа. Оказалось, что водопроводный кран возле моего дома полностью отвернут. Такая невообразимая халатность – это было слишком даже для меня. Возможно, в доме побывала подруга и распорядилась водой за меня? Однако никакой записки я не обнаружила. Я сходила в конюшню, оба ведерка оказались пустыми. Покров тайны сгущался.

Наполнив ведерки и оставив их в конюшне, я пошла к дому. Дул прохладный ветерок. Небо оставалось чистым – в отличие от моей совести. При всей своей незрелости и неопытности, я тем не менее поняла, что не сумела выполнить свои обязанности в рамках партнерства коня и человека.

Как-то раз на следующей неделе я встала позже, чем обычно. Термометр показывал минус десять. Оказывается, в идеальном в летние дни Вермонте бывают холодные зимы, проскулила я себе под нос. Я поняла, что, прежде чем заняться конюшней, мне необходимо выпить чашечку кофе. Может быть, даже две.

Ну, я так думала.

Уиспер придерживался другого мнения. Глядя из окна кухни на конюшню, я медленно потягивала кофе. И тут через ограду пастбища перелетел невысокий золотистый конек, подобравший колени под самую грудь, словно чемпион

на скачках Гран-при. Прыжок оказался настолько чистым и великолепным, что я была ошеломлена. Я и не знала, что он умеет прыгать.

Не конь, а сокровищница, полная скрытых талантов, подумала я.

Пролетев над забором (и даже не коснувшись его копытами), мой морган перешел на неспешную рысь и направился прямо к водопроводному крану.

Вэм-вэм-вэм, – полилась вода.

Копыта, как я узнала в тот день, можно использовать самыми разными способами.

Уиспер сложил губы в подобие чашки. Я даже не представляла, что лошади способны на это. Он подставил их под струю, так что вода полилась ему прямо в рот. Лошади обладают очень чувствительными губами, более подвижными, чем губы людей.

Исполнив свое желание, Уиспер вернулся в конюшню и стал ждать, когда я наконец подам завтрак.

Лошади при наличии мотивации могут проявлять незаурядную изобретательность, а уж если речь заходит о жажде, мотивация зашкаливает. Однако когнитивный гений моего моргана не был сосредоточен только на магии вызывания воды. Очевидно, что Уиспер умел решать самые разнообразные задачи – умел, например, преодолеть электрический забор или открыть дверь своего денника. Задавшись конкретной целью, он проявлял большую изобретательность.

Уисперу-то было хорошо, однако перспектива того, что он будет бегать по всей округе, удовлетворяя собственные потребности, меня не устраивала. Мой сосед, обладатель великолепной лужайки, заросшей пышной травой, уже сообщил мне, что лошади его пугают.

Конечно, степень мотивации у той или иной лошади может существенно различаться. Некоторые кони успешней других совершенствуют свои жизненные навыки. Грей, мой рабочий конь, редко изобретал что-то новое. После того как Уиспер перепрыгнул забор и досыта напился воды из-под крана, я набросила на плечи куртку и отправилась в конюшню. Солидный Грей оставался в стойле, дожидаясь меня. Дверца в денник Уиспера была открыта. Заглянув внутрь, я сразу поняла, что произошло: оба ведерка были полны (этот урок я уже усвоила), однако вода замерзла. Рабочий конь ждал, что я разрешу за него эту проблему. Морган разделался с ней самостоятельно.

Насколько же умен этот черт весом в полтонны, задумалась я. И насколько изобретательный Уиспер умнее Грея? Я провела эксперимент и оставила пару яблок вне пределов досягаемости обоих коней, стоявших в денниках каждый за запертой нижней полудверью.⁴ Они могли высунуть головы сверху, однако – теоретически – должны были оставаться за полудверью до тех пор, пока человек не поднимет задвижку.

Я стояла и наблюдала. Оба коня смотрели на яблоки. Ни

⁴ Двери в денниках обычно состоят из двух половин – нижней и верхней.

один не двигался. Тогда я вышла из конюшни и сделала вид, что иду к дому. Однако, когда они уже не могли увидеть меня, я остановилась и стала следить за ними через окно конюшни. Без всяких колебаний Уиспер потянулся к задвижке и поднял ее своими мягкими губами. Движением корпуса он распахнул дверцу денника, вышел и съел оба яблока. Грей же только смотрел на него. В тот день я убедилась в том, что прежде лишь подозревала: Уиспер при желании без труда мог уходить из своего дома и возвращаться в него.

Но что еще важнее, Уисперу хватило ума не только на то, чтобы добраться до яблок, но и на то, чтобы утаить свое умение от меня. А это означает, что жизнь в мире лошадей протекает по-разному в зависимости от того, смотрим мы на них или нет. У этих животных есть секреты. Они прекрасно понимают, что учрежденные человеком правила можно нарушать, когда людей нет поблизости.

У меня сразу возникла уйма вопросов. Каким образом Уиспер формулирует свои планы? Да и есть ли у него такие? Осознает ли он себя? Умеет ли думать? Обладает ли он тем, что ученые именуют «логикой мышления» – способностью, среди прочего позволяющей нам понимать, что может думать другой, – на что намекает предпринятая им операция по краже яблок? Многие, и я в частности, привыкли видеть в лошадях простые автоматы, которыми мы, люди и господа, должны повелевать и руководить. В самом деле, мы часто работаем с лошадьми в рамках очень упрощенного бихеви-

оризма – поощрения и наказания.

Однако лошади устроены куда более сложно. И разве может быть иначе после растянувшейся на 56 млн лет эволюции, планетарных изменений и оледенений? Уиспер показал мне, насколько неправильны сами основы моих знаний. Конь – не машина; он живое создание, наделенное собственными представлениями и очевидными способностями к принятию решений. Но каким образом осуществляет он свои решения?

Откуда берет критерии? Обладает самосознанием? Вышло, что так.

Я вовсе не хочу этим сказать, что лошади подобны людям. Я совершенно уверена в том, что Уиспер не мыслил следующим образом: «Мммм... яблоки... но надо подождать, пока она уйдет. Тогда я подниму задвижку и сразу вперед. А соседа, старого работягу, можно не опасаться. У него не хватит ума первым добраться до яблок».

Нет, он исходил из собственных принципов, уникального жизненного восприятия, основанного на наличии четырех ног и отличного мозга, любви к хорошей траве, свежей воде и неприязни к любого рода новшествам. Он, бесспорно, обладал методическим подходом к решению проблем, которому содействовали сильная мотивация и изрядная доля любопытства. Конечно же пища может оказаться сильнейшим мотиватором. Это подтвердит всякий, кто имел возможность наблюдать за тем, как пасущаяся лошадь настойчиво стремится добраться до самой зеленой травки, всегда оказываю-

щейся по ту сторону забора.

* * *

Чем больше я размышляла об Уиспере, тем длиннее становился мой список вопросов. Откуда взялись лошади? Почему у них на конечностях копыта, а не пальцы, как у нас? Почему они согласны жить бок о бок с нами? Какие уходящие в темные глубины времен биологические корни создали основания для нашей взаимной дружбы? Каким образом общее происхождение позволяет нам понимать друг друга? Собаки и люди умеют «считывать» язык тела друг друга. Способны ли лошади понимать язык тела других коней? Умеют ли они понимать наш телесный язык? Пытаются ли они это сделать? Список вопросов становился бесконечным. Чем больше я узнавала, тем больше мне хотелось узнать.

Мы, люди, как и лошади, – дети саванны, отпрыски ветра, солнца и проливного дождя. И это более чем просто романтическая идея. За последние несколько десятилетий наука подтвердила эту идею результатами многочисленных исследований. Наука учит нас правильно обращаться с лошадьми в современном мире, рассказывает о скрытой от посторонних глаз эмоциональной жизни этих животных, объясняет, где они будут лучше себя чувствовать: «свободными» на просторной равнине или же в конюшне на полном обеспечении... наука знает даже об их социальных и умственных

потребностях.

В те дни, когда я пристально наблюдала за Уиспером и Греем, подобные мысли даже не приходили мне в голову. Моя основная цель заключалась в том, чтобы удержать эту предприимчивую парочку в конюшне или на пастбище, как можно дальше от восхитительной лужайки моего испуганного соседа и короба с фуражом, который Уиспер также научился открывать.

Однако я – и не только я – не учитывала основные потребности животных, отличные от желания пить и есть. Как будет показано в дальнейшем, кони вошли в жизнь людей задолго до того, как те обзавелись развитой культурой. Можно даже утверждать, что они в известной мере *дали* человечеству цивилизацию. Тем не менее, хотя лошади были одомашнены больше 6000 лет назад (когда именно, никому не известно), только в настоящее время мы начинаем видеть в них разумных существ, наделенных достаточно тонким умом. Что помешало нам раньше понять это?

Моя книга – своего рода научный экскурс в историю лошади как биологического вида, а также исследование связи между ней и человеком. Экспедиции и интервью со многими учеными в разных концах мира, от Монголии до Галисии (северо-западная область Испании), с археологами, изучающими доисторические поселения во Франции и Стране Басков, с палеонтологами, работающими в Вайоминге, Германии и даже в центре Лос-Анджелеса, открыли мне историю

совместного пути лошадей и людей сквозь время, позволили исследовать наши биологические сходства и различия, а также подумать о будущем лошади в мире, где господствует человек.

Это повествование можно назвать запоздалой одой, пропетой в честь Уиспера и его приятеля Грея и всех прочих встречавшихся мне в жизни коней, которые любезно и терпеливо везли меня через Скалистые горы и пустыню Сахару, сопровождали меня в скитаниях по разбитым грунтовым дорогам Вермонта, благополучно провозили меня мимо крокодилов, бегемотов и медведей гризли, – всем этим животным, столь многому научившим меня, начиная с того факта, что вода в ведре зимой замерзает.

Наконец, не менее важно, что книга эта – ода всем лошадям, которые много тысяч лет помогали делать жизнь человека более счастливой. Как некогда написал Джордж Гейлорд Симпсон, известный знаток эволюции лошадиного племени: «У лошадей мы можем узнать не только о собственно лошади, но также и о животных вообще, даже о себе самих и о жизни в целом».

1

Наблюдая за дикими конями

Нет оснований сомневаться в том, что лошади будут существовать, пока существует род людской, и это хорошо, ибо нам надлежит узнать о них еще многое.

ЧАРЛЬЗ УИЛЬЯМ БИБИ⁵

Примерно 35 000 лет назад,⁶ когда большая часть Европы была скована ледяным покровом, медленно пульсировавшим словно в такт ледяному сердцу, неизвестному художнику попал в руки кусок кости мамонта. Возможно, этот кусок просто валялся на земле. Может быть, в дар художнику его принесла ватага охотников.

⁵ В XX в. Уильям Биби был одним из наиболее популярных натуралистов. Будучи автором мириад книг, он одним из первых привлек внимание читателя к науке, описав для радиоаудитории свои погружения в батисфере на дно океана. Эту цитату передал мне палеонтолог Эрик Скотт, работающий в Музее округа Сан-Бернардино. – *Прим. автора.*

⁶ Нас, привыкших к определенности дат исторического периода, постоянно смущает расплывчатость дат доистории. Они представляют собой нечто такое, с чем нам приходится просто смириться. Вокруг возраста лошади из Фогельхерда до сих пор идут жаркие дебаты. Некоторые исследователи полагают, что ей всего 30 000 лет, в то время как другие считают, что возраст ее может превышать 35 000 лет. Но такова ситуация едва ли не со всеми датировками предметов, относящихся к доисторическому времени. В результате я решила воспользоваться датой, с которой согласно большинство ученых. – *Прим. автора.*

Этот неведомый нам искусник обладал феноменальным дарованием. С великой точностью орудуя остро заточенными каменными резцами, он начал вырезать свой шедевр. Появилась великолепная изогнутая шея жеребца, поражающая необычайным соединением мускульной силы и простой природной грации (см. рис. 1).

Рис. 1. Лошадь из Фогельхерда, считающаяся древнейшим изображением этого животного

© Villy Yovcheva / shutterstock.com

Этот конь, ставший самым ранним образцом архетипа, широко распространившегося с тех пор, воплощает в се-

бе саму сущность величия. Он является высшим примером платоновской формы, «абстрактным изображением изящной сущности лошади как таковой», пользуясь словами Йена Тэттерсолла,⁷ или, еще проще, конской *rasa*,⁸ если обратиться к санскриту. Изгиб головы и шеи плавно перетекает в линию холки и спины, образуя элегантную, похожую на латинское S кривую, заканчивающуюся ниже крупа. Чуть склоненная голова придает животному облик, полный силы и глубокого созерцания.

Когда мы видим этого коня, мы влюбляемся в него. И узнаем его: скульптура эта могла бы выйти из-под резца художника только вчера. Через разделяющий нас разрыв в 35 тысячелетий мы едва ли не слышим, как он фыркает и задирает голову, рекомендуя прочим жеребцам держаться подале. Это чудо длиной в 5 и высотой в 2,5 сантиметра, которое его современный куратор Харальд Флосс, сотрудник университета немецкого города Тюбингена, называет «эстетически совершенным»,⁹ известно под названием «лошадь из Фогельхерда», пещеры на юге Германии, где была найдена эта фигурка.

Она свидетельствует о том, что эмоциональная связь между человеком и лошадью завязалась давным-давно – за де-

⁷ Ian Tattersall. *Masters of the Planet: The Search for Our Human Origins*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2012. P. 180.

⁸ Сущность, квинтэссенция (*санскр.* букв. – «вкус»).

⁹ Харальд Флосс, телефонный разговор с автором, 22 апреля 2014.

сятки тысячелетий до начала человеческой цивилизации, задолго до того, как мы начали держать лошадей в конюшнях и использовать их в качестве инструмента на наших полях. Мы не знаем, кто создал этот *tour de force*,¹⁰ однако убеждены, что резчик по кости провел много времени, наблюдая за дикими конями,¹¹ изучая их общественные взаимоотношения и язык тела. Он вырезал эту фигурку уверенной и твердой рукой.

Нам также известно, что этот художник входил в первую группу полностью современных людей, поселившихся в Ев-

¹⁰ Шедевр, образец высокого искусства мастера (*фр.* букв. – «проявление силы»).

¹¹ Какие лошади являются подлинно дикими, а какие только «одичавшими»? Я начинала писать об «одичавших» лошадях – то есть о животных, предположительно происходящих от одомашненных предков, которые в какой-то момент исторического прошлого (но не прошлого доисторического) вырвались из-под власти людей и стали жить по собственной воле. С точки зрения некоторых исследователей, на планете уже не осталось подлинно «диких» лошадей, за исключением обитающей в Монголии небольшой группы лошадей Пржевальского, или тахи, о которых мы подробно говорим в главе 10. Однако чем больше я узнавала о лошадях, тем больше крепло в моей душе убеждение в том, что подробности древней истории многих находящихся на свободе табунов остаются покрытыми тайной. Никто не знает, как и почему одомашнивание изменило саму природу лошади. Прочитав работу Джонаки Бхаттачарьи о «диких» и «одичавших» лошадях, я решила забыть про это разграничение и называть словом «дикие» всех живущих на свободе лошадей. Деление животных на диких и одомашненных подразумевает наличие между ними четкой грани, но во многих культурах эту грань не видят. См.: *Jonaki Bhattacharyya et al. The «Wild» or «Feral» Distraction: Effects of Cultural Understandings on Management Controversy over Free-Ranging Horses (Equus ferus caballus) // Human Ecology 39, 2011. URL: <http://link.springer.com/article/10.1007 %2Fs10745-011-9416-9>*

ропе. Эти люди, принадлежавшие к ориньякской культуре, кроме лошадей, почитали еще многих животных. Их искусство великолепно – однако за искусством скрывается нечто большее: массив ценных научных свидетельств, предоставляющих нам бесценную информацию в том числе о животных, вместе с людьми населявших речные долины, болота и топи, а также равнины Европы ледникового периода. Наука рассказывает нам о едва ли не бесконечной последовательности расписанных древним человеком пещер, о не поддающемся подсчету количестве барельефов, рисунков и набросков и множестве резных изображений – всегда и зачастую во всех подробностях показывающих неведомых нам животных, таких, к примеру, как шерстистый носорог, живший в Европе в эпоху плейстоцена.

Некоторые из этих творений наделены потрясающим совершенством, однако менее безупречные изображения не представляют особой редкости. Как это ни удивительно, они присутствуют повсеместно. Археологи обнаружили подобного рода рисунки по всей Европе: на западе Испании, в Италии, во Франции и на всем пути на восток, в Россию. Современный поклонник искусства плейстоцена может посвятить целое лето изучению его произведений и тем не менее ознакомиться только с малой частью. Однако при всей распространенности древних произведений изумляет сам факт их существования: искусство ориньяка возникает в археологической летописи Европы как бы внезапно... словно бы ка-

кой-то гений взмахнул рукой и люди получили творческий дар. Оно не имеет никаких очевидных предшественников, никаких древних образцов, которые могли бы засвидетельствовать нам ход овладения мастерством. Конечно же археологи скажут нам, что это не так. Скажут, что какой-то период предварительного обучения обязательно существовал, что он должен был оставить нам свидетельства технического роста, однако до сих пор доказательств существования этого этапа практически не обнаружено.

Это явление настолько удивительно, что некоторые ученые даже предполагали, что мозг у *Homo sapiens*, сформировавшийся больше чем за сотню тысяч лет до этого, мог претерпеть в эту эпоху внезапный неврологический скачок – какой-то сдвиг в человеческой психике мог наделить нас творческим импульсом. Теория эта больше не в моде, но очевидно, что произошло неизвестное нам необычайное событие. В противном случае наука не может объяснить появление нашего небольшого талисмана из-под рук резчика.

Лошадь из Фогельхерда, изображенная в миг предельной надменности, является чем-то большим, чем простой символ, – это конь живой, запечатленный в конкретный момент времени. Он вот-вот ударит передним копытом или, быть может, поднимется на кобылу. Это современный конь фризской породы (см. илл. 2 на вклейке), беспокойно расхаживающий по пастбищу, или американский мустанг,¹² готовый

¹² Под мустангом я подразумеваю не породу, а рожденную свободной лошадью

замереть на каком-нибудь красном утесе, или искусная в выезде лошадь, собирающаяся исполнить идеальное *piaffe*,¹³ любимое многими классическое движение, демонстрирующее сдерживаемую энергию коня и плавное изящество его движений.

Однако из всех этих соображений вытекает вопрос: почему? Почему древний художник с таким вниманием отнесся к лошади? Что представляла собой эта миниатюрная скульптурка? Религиозный символ? Торговую валюту? Или передавала энергию жеребца своему обладателю? Или, быть может, вообще не имела никакого значения и была лишь игрушкой, вырезанной долгим зимним вечером, чтобы потешить детей?

Однако, каково бы ни было ее предназначение, этого коня не возвели на пьедестал, чтобы поклоняться ему. Фигуркой пользовались. Много пользовались. На спине лошади вырезаны тонкие линии, существенно поистершиеся от многократных прикосновений человеческих рук.¹⁴

Возможно, мы никогда не получим ответы на многие из наших вопросов, однако можно не сомневаться в одном. Мы разделяем с древним художником мощную эмоциональную реакцию: лошади очаровывают нас не меньше, чем людей,

американского Запада – в противоположность лошади домашней, которую я считаю рожденной в плену. – *Прим. автора.*

¹³ Движение лошади на месте, похожее на рысь (*фр.*). – *Прим. пер.*

¹⁴ Харальд Флосс, телефонный разговор с автором, 22 апреля 2014.

живших 35 000 лет назад. Даже сегодня, пребывая в изоляции от мира природы, мы стремимся вступить в контакт с лошадью. Спросите любого конного полисмена.

Несмотря на тайну, которая окутывает эту древнюю фигурку, ее окружает большая компания. В течение всех последующих 20 000 лет до тех пор, пока лед наконец не растаял и Европа не вступила в нынешнюю теплую фазу своей истории, художники создавали изображения лошадей, используя тот материал, который предпочитали, – слоновую (мамонтную) кость, рога, дерево, камень, краску.

Кони – это звезды искусства ледникового периода. В самом деле, именно лошадей чаще всего изображали художники в тот долгий, длившийся 20 000 лет период, предшествовавший изобретению сельского хозяйства и того, что мы сейчас называем цивилизацией.¹⁵ На территории нынешней Франции, в Абри-дю-Кап-Блан, на стоянке древних людей под каменным навесом, служившим жилищем 15 тысячелетий назад, в каменную стенку, задник, на фоне которого происходила повседневная жизнь, были врезаны фигуры коней почти в натуральную величину. Когда я побывала там, каменное изображение напомнило мне кухонное искусство – такое, над которым размышляешь, помешивая суп, – однако лошади из Кап-Блан столь же живы в своем движении, как

¹⁵ Я впервые прочитала об этом у Кристины Десдеменс-Хугон и, признаюсь, отнеслась к этому факту критически, однако многие научные работы подтверждают это утверждение. См.: *Christine Desdemaines-Hugon. Stepping-Stones: A Journey through the Ice Age Caves of the Dordogne*. New Haven: Yale University Press, 2010.

если бы их писал Леонардо да Винчи. Когда их озаряет свет, они оживают и стремятся выскочить из камня.

В пещерах северного побережья Испании, отделенного от Кап-Блан сотнями километров, с чувством нарисованные пони резвятся в счастливом самозабвении. В тысячах километрах к востоку, в Уральских горах, нарисованные красной охрой кони украшают собой стены Каповой пещеры. На стенах пещеры Шове,¹⁶ на юге Франции, нарисованные кони стоят тесными группами, наблюдая за окружающими их животными, в том числе за притаившимися неподалеку львами. Некоторые из лошадей Шове пасутся, остальные стоят на страже. В другом месте пещеры застенчивый конек выглядывает из-за скалы. Чего он боится? Охотящихся львов? Или могучего жеребца?

Похоже, что художники ледникового периода знали о лошадях всё. До появления на исторической арене Леонардо, глубоко изучившего их анатомию, ни один художник не мог сравниться с этими виртуозами плейстоцена в изображении животных, которых действительно можно назвать лошадьми. Мне кажется, эти первые по времени и совершенные мастера также являлись первыми исследователями поведения животных. Они должны были отводить наблюдениям часы, дни, месяцы и годы. Они понимали выражения

¹⁶ Пещера Шове закрыта для посещения публики, однако имеющиеся в интернете многочисленные книги, фото- и видеоматериалы доступны для интересующихся лиц. – *Прим. автора.*

«лиц» лошадей, знали, как раздуваются их ноздри, когда кони испуганы, как выдают внутреннее состояние животных их уши, знали, отчего они иногда держатся вместе небольшими группами, а отчего с угрюмым видом расходятся поодиночке. Произведения их говорят нам о том, что задолго до того, как были изобретены удила и уздечка, мы, люди, *Homo sapiens*, восхищались дикими лошадьми, наблюдая за ними.

К сожалению, в современном мире это искусство предано забвению. Даже если нам нравится смотреть на бегущую лошадь, мало кто будет сидеть и вглядываться в самую суть. Как следствие, мы страдаем от нехватки данных. Мы видим, что делает конь, однако не всегда понимаем, почему он это делает. Нам слишком мало известно о том, как на самом деле ведут себя лошади, когда мы не видим их. Мы видим своих коней стоящими в денниках и на пастбищах и ошибочно полагаем, что видим самую *сущность* лошади. Это всегда казалось мне странным.

Этологи изучают поведение львов на лоне природы, а также поведение птиц, обезьян, китов и слонов. Их исследования обогатили наше понимание того, что значит быть частью живой вселенной, так что теперь мы осознаем, что все вокруг укладывается в тонко сплетенную паутину, которая выступает основой нашего собственного благоденствия. Возможно, мы превосходим всех остальных животных в вопросах построения информационного общества, однако в своих областях они обладают талантами, далеко превосходящими

наши.

К этой революции в понимании естественного поведения животных в 1960-х годах привлекли внимание публики работы таких авторов, как нобелевский лауреат Конрад Лоренц, написавший бестселлеры «Кольцо царя Соломона» и «Агрессия». Особой известности Лоренц добился тем, что научно установил значимость привязанности в жизни животных. Он подчеркнул, что лабораторные исследования не позволяют выяснить подлинную природу различных видов живых существ. Чтобы понять ее, по его словам, животных следует наблюдать в контексте естественной жизни.

Книги Лоренца вызвали общемировой переворот в восприятии дикой природы. Молодые ученые из разных частей света занялись наблюдением за различными животными в природных условиях. Такими исследованиями, например, более сорока лет занималась Джейн Гудолл, вместе со своими сотрудниками изучавшая шимпанзе в Танзанийском национальном парке Гомбе-Стрим. Еще в самом начале своей работы Гудолл потрясла – и это еще мягко сказано – научный мир сообщением о том, что приматы изготавливают орудия и пользуются ими. И это притом, что прежде статус единственного изготовителя орудий на планете Земля был накрепко закреплен за людьми. Примерно в то же самое время, в 1960-х годах, Роджер Пейн и Скотт Маквей изучали поведение горбатых китов и обнаружили, что те общаются между собой посредством пения, которое Пейн назвал «реками» зву-

ка. Как и в случае с шимпанзе, статус людей как единственного вида, обладающего сложной коммуникационной системой, ранее никем не подвергался сомнению. Вороны являются мастерами в части творческого разрешения проблем. Осминоги щупальцами открывают сосуды, сооружают из камней сложные укрытия, даже таскают с собой пустые раковины, на тот случай, если им вдруг потребуется укрытие. Слоны общими усилиями помогают членам семьи. Летучие мыши пользуются эхолокацией. Пчелы обладают коллективным разумом.

Но что можно сказать о лошадях? Какими особыми способностями *они* обладают? Много ли современной этологии удалось узнать о поведении лошадей в природных условиях? Выходит, что немного. Почему же? Если наше восхищение лошадьми уходит своими корнями по меньшей мере на 35 тысячелетий в глубь веков, на что указывают все свидетельства, почему кони оказались за рамками этой научной реформации? Специалисты по лошадям нашли наилучший способ обучения выставочных лошадей, наилучший способ кормления скаковых коней, наилучший способ лечения хромоты. Однако естественное поведение лошадей редко привлекало внимание ученых. Только горстка этологов методично изучала поведение диких лошадей, и среди произведенных исследований было очень мало долгосрочных, подобных исследованию Джейн Гудолл.

Однако положение начинает меняться.

Однажды июльским вечером мы с Джейсоном Рэнсомом разговаривали на эту тему в городке Коди, Вайоминг, служащем воротами в Йеллоустонский национальный парк. Городок был основан Буффало Биллом¹⁷ и участниками его шоу более сотни лет назад. С прослеживающим повадки лошадиного племени этологом Рэнсомом я познакомилась в Вене на международной конференции, где собрались ученые, изучающие в разных уголках планеты диких представителей семейства лошадиных – лошадей, зебр, онагров и диких ослов. Рэнсом пригласил меня приехать и познакомиться с некоторыми объектами его исследований – несколькими популяциями диких лошадей, обитающими в Монтане и Вайоминге. Он изучал их поведение в течение пяти лет и обнаружил в нем некоторые особенности, опровергающие прежние мифы о том, как лошади заключают союзы и взаимодействуют друг с другом.

Мы встретились в Вайоминге и провели несколько дней, наблюдая за подопечными Рэнсома и за людьми, приехавшими с разных концов света для того, чтобы полюбоваться дикими конями. Подобно нашим далеким предкам, жившим

¹⁷ Буффало Билл (настоящее имя Уильям Фредерик Коди, 1846–1917) – американский военный, охотник и организатор серии популярных шоу «Дикий Запад», посвященных покорению западной части Северной Америки.

в ледниковом периоде, эти люди часами наслаждались происходящим. Небольшими группами они переговаривались между собой, обсуждая лошадей и их поступки. Некоторые даже переселялись в палатки, чтобы иметь возможность наблюдать за животными все двадцать четыре часа в сутки. Это занятие было для них развлечением, и я вполне могла представить себе аналогичную сцену десятки тысячелетий назад: люди расслабляются на летнем солнышке и рассуждают о том, что кони намереваются предпринять.

Тем памятным июльским вечером, посвятив весь день наблюдению за дикими конями, мы с Рэнсомом листали одну из книг по искусству ледникового периода, которые я привезла с собой. Разглядывая репродукции изображений резвых пони со стен многочисленных пещер во Франции и Испании, мы говорили о том, как сложные системы поведения, отображенные в этих доисторических наскальных рисунках, совпадают с системами, увиденными нами в реальной жизни несколько часов назад.

Мы обсуждали ту власть, которую кони имели над умом древнего человека, и пытались сопоставить ее с властью этих животных над умом человека *современного*. Коня и люди, как поняли мы в итоге, имеют много общего: планетарные потрясения, смены растительных сообществ, поднятия горных систем и изменения океанических течений десятки миллионов лет определяли ход нашего развития. Это общее эволюционное наследие влечет нас к коням рудиментарным,

изначальным, даже атавистическим образом. Вспомним интригующую историю гениальной девочки с аутизмом по имени Надя,¹⁸ которая в возрасте трех лет внезапно и без всякого внешнего повода, без всякого обучения начала рисовать удивительных галопирующих коней, коней с развевающимися гривами и хвостами, коней, изображенных по памяти, но в совершенстве, в высшем соответствии пропорциям. Надя могла бы начать рисовать и других животных,¹⁹ однако внимание ее привлекли именно кони. Наверное, как решили мы с Рэнсомом, восхищение лошадьми каким-то образом закодировано в наших генах. Когда мы видим лошадей, несущихся по просторной равнине, мы невольно представляем себя на их месте. Даже тогда, когда люди изолированы от природы и проводят большую часть жизни в каменных городах XXI века, образ лошади по-прежнему пробуждает нечто существенное, находящееся внутри нас, подобное тому, что пробуждал в душе резчика, создавшего лошадь из Фогельхерда.

Мы, люди современного мира, как правило, мало знаем о жизни лошадей, – заметил Рэнсом, – однако до сих пор способны, посмотрев на изображение лошади, влюбиться в

¹⁸ Надя Чомин (Хомина) (1967–2015) – англичанка украинского происхождения, получившая известность благодаря своим рисункам, выполненным в основном с 3 до 9 лет. Ее история была опубликована психологом Лорной Селфе в 1979 г. и широко обсуждалась в научно-популярной литературе по психологии.

¹⁹ В действительности Надя рисовала и других животных, и людей, и неживые предметы, но рисунки лошадей наиболее многочисленны и известны.

него. Почему так? Что именно соединяет нас?»

То, что наша влюбленность в лошадей уходит в прошлое на несколько десятков тысячелетий, говорит, по нашему с Рэнсомом мнению, о многом. Тем не менее мы, современные люди, в некоторых важных вопросах не понимаем коней. После Уиспера и Грея у меня было много лошадей, и я более чем достаточно времени провела в седле. Мне казалось, что я уже многое знаю об их образе жизни. Однако под руководством Рэнсома я поняла, что не знаю о них практически ничего, кроме их поведения в конюшне или на выгуле.

Наблюдая за дикими лошадьми (рожденными вне контакта с человеком в противоположность одомашненным лошадям), я узнала, что кони – чрезвычайно сложные животные, способные на всевозможные неожиданные реакции. Еще я узнала, что процесс наблюдения становится намного более интересным, когда ты знаешь историю жизни тех животных, за которыми наблюдаешь. Ты узнаешь, что лошади часто устанавливают себе программу действий, которую понимаешь далеко не сразу. Тут ситуация становится интригующей, так как каждый конь обладает личностными качествами. Как я могла убедиться на примере Уиспера и Грея, один конь может смелым поступком решить проблему, в то время как другой предпочитает придерживаться более пассивного образа действий. Однако это не означает, что пассивный подход в меньшей степени направлен к цели.

Лошади отличаются от многих других унгулят – копыт-

ных млекопитающих, – обитающих по всему миру буквально везде от саванн и лугов до лесов и скалистых гор. Копытные живут повсюду. Коровы, козы и овцы, бизоны, олени и лоси – копытные животные. Однако в отличие от многих унгулят, ищущих безопасности в численности и бродящих по равнине большими группами, кони, как и слоны, придерживаются семейных коллективов. Связи в коллективах у коней могут быть прочными, но в то же время они неустойчивы. Как это бывает и у людей, дружба начинается и заканчивается, жеребята вырастают и отправляются в самостоятельную жизнь, взаимоотношения между самцом и самкой иногда прекращаются, а иногда нет.

Эти тесные связи играют существенную роль в психике лошади. Не имея возможности образовать их, лошадь превращается в совершенно другое животное. Общественное окружение коня составляет его *raison d'être*,²⁰ основание его бытия и причину, заставляющую его совершать те или иные поступки. В конце концов, в мире природы, в том естественном окружении, в котором эволюционировали лошади, конь-одиночка, как правило, выжить не может. Тем не менее, вопреки общепринятому мнению, наука обнаружила, что лошади не являются «стадными» животными. Они не ищут безопасности в большом стаде. Кони круглый год живут небольшими группами, называемыми табунами. Членство в подобном табуне, который может состоять всего из

²⁰ Смысл существования (*фр.*).

трех лошадей или из десяти и около того, столь же быстро-течно, как личные связи, однако табун как таковой образуется вокруг ядра из близких подруг-кобылиц и их юных отпрысков.

Подобно людям, лошади в табуне склонны ко всякого рода склокам. И, как и люди, члены одной группы жить не могут без приятельских и родственных связей. Эти связи имеют для них большое значение. Вопреки тому, что показывают голливудские фильмы, лошади, в отличие от крупного рогатого скота или бизонов, редко ударяются в паническое бегство. Если нечто испугало несколько табунов, пасущихся в одном месте, скорее всего, каждый из них помчится в собственном направлении. Траектории их бегства будут похожи на спицы колеса. Бегство в рассыпную при наличии такой возможности – одна из стратегий выживания этих животных.

Члены табуна представляют собой не просто группу животных, наделенных общим менталитетом. Как обнаружили Рэнсом и прочие занимающиеся лошадьми этологи, личные связи внутри табуна могут оказаться более важными, чем групповая привязанность, – в точности как у нас. Эти связи иногда основываются на семейных привязанностях, но чаще – на личном предпочтении.

Если наблюдать за лошадьми, зная историю личных взаимоотношений между ними, то словно попадаешь в мыльную оперу. Обнаруживается вечное соперничество, борьба

за положение и власть, за границы личного пространства, верность сменяется изменой. Шоу не прекращается никогда. Альянсы возникают и распадаются. Подчиненные восстают против власти. Иногда конь обретает награду за свое великое терпение и получает то, чего хочет. А иногда не обретает и остается с носом.

Спектакль имеет воистину шекспировский масштаб. Полностью понять сюжет можно, только пристально наблюдая за ходом представления: сродни королям и принцам, политикам и шимпанзе, некоторые лошади на людях и в обществе себе подобных ведут себя совершенно по-разному – ну как Уиспер.

В начале того жаркого июльского дня мы с Рэнсомом наблюдали за одним из его любимых жеребцов, пегим по имени Текумсе,²¹ обитавшем в районе гор Маккуллох.²² Текумсе председательствовал в разбирательстве между жеребца-

²¹ Так звали известного своим проклятием в адрес президентов США лидера народа шауни и союза нескольких индейских племен под названием «Конфедерация Текумсе». – *Прим. пер.*

²² Согласно «Акту о диких и находящихся на свободе лошадях и ослах» от 1971 года, федеральное правительство охраняет диких лошадей «как живой символ исторического и пионерского духа Запада» в нескольких сотнях известных владений на территории Соединенных Штатов. Лошади находятся под защитой Бюро по управлению государственными землями, Службы национальных парков или Службы охраны лесов. Подробнее можно прочитать в книге Хоуп Райден, см.: *Hope Ryden. America's Last Wild Horses*. Guilford, CT: Lyons Press, 2005. Я предпочла не углубляться в сложные политические темы и ограничилась темой дружбы лошадей и людей.

ми. На наших глазах ситуация вышла из-под контроля. Изогнув шею и приготовившись к драке, он казался современным воплощением коня из Фогельхерда. Самцы многих видов животных любят блеснуть собственными достоинствами – вспомним красоту павлина, распутившего хвостовые перья. Но жеребцы – это истинные специалисты в умении проявить свои мужские качества во всем великолепии. Настоящие драматические актеры.

На наших глазах Текумсе выгнулся всем телом в знак предупреждения: убирайтесь подальше от меня или пожалейте. Было нетрудно заметить причину, заставившую его обеспокоиться. Компания из четверых наглых молодых коней – уже слишком больших для того, чтобы кобылы позволили им крутиться среди жеребят, но, однако, еще не доросших до того возраста, в котором они могли бы заинтересовать противоположный пол, – подобралась к границам личного пространства Текумсе. Прямо группа неуклюжих подростков, идущих по улице.

Шайка эта держалась слишком самоуверенно в отношении Текумсе, не желая признавать общепринятое среди лошадей правило, требующее соблюдать дистанцию. Хуже того, «мальчишки» даже изображали желание поближе познакомиться с теми кобылами, с которыми Текумсе водил тогда компанию.

Текумсе был возмущен. Он посмотрел на них грозным взглядом. Поднял голову и подобрал задние ноги, намерева-

ьясь отогнать наглецов. Он поднял перед ними одну переднюю ногу – а потом топнул ею. Доказав ее мощь, он поднял другую переднюю ногу и снова топнул.

Четверо жеребцов, слишком юных для того, чтобы бросить вызов крепкому взрослому коню, отправились прочь – нюхать кучку навоза.

Им предстояло многому научиться. Когда у жеребцов возникают претензии друг к другу, ситуация редко переходит в откровенную драку, хотя заранее бывает трудно предсказать, как именно она разрешится. Возле гор Прайор, на другой территории, отведенной для свободно живущих лошадей, мы с Рэнсомом видели, как один жеребец по не совсем понятным причинам набросился на другого, стоявшего в отдалении. Возле агрессивно настроенного самца находились другие жеребцы, однако он не обращал на них внимания. Фыркая и визжа, он подбежал к этому стоявшему вдалеке коню и загнал его в небольшую рощицу на дальнем конце луговины, где деревья скрыли их от наших глаз. Наконец они появились оттуда и проскакали по всему лугу, порождая общее смятение. Так, один за другим, они прибежали к месту, на котором паслись еще несколько табунов. Жеребец № 1 вытянул шею в сторону своего врага. Он стал похож на змею. Он оскалился. У него были совершенно определенные намерения. А затем оба они, преследуемый и преследователь, подбежали к невысокому гребню, допустив тем самым явную ошибку.

Внизу за гребнем паслись кобылицы в сопровождении третьего жеребца. Этот жеребец № 3, названный исследователями Дюком, рванулся наверх. Жеребец № 1, зачинщик и агрессор, встретил достойного соперника. Дюк, конь рослый и мускулистый, был уверен в себе. Фыркая и мотая головой, жеребец № 1 попытался удержать позиции, однако одного взгляда на эту пару было достаточно, чтобы понять, на чьей стороне превосходство. Не было никаких сомнений в том, кто отступит первым.

Дюк явно был владыкой этих мест. Жеребец № 1 тут же слинял. Жеребца № 2, того, кого тот гнал по всей луговине, нигде не было видно. Прежде чем упал занавес, Дюк занял центральное место в этой авансцене, пару секунд продемонстрировал окрестностям свою царственно изогнутую шею, после чего мирно возвратился к трапезе.

Что стало причиной разгула страстей? Рэнсом не был уверен. Взрослые кони в пору летней жары без причины не утомляют себя, но на сей раз копыта прогромыхали по всей луговине. Наблюдая за лошадьми, мы заметили, что кобылы внешне не проявляют почти никакой реакции на выходки жеребцов. По правде сказать, за все время собственных наблюдений за дикими конями я ни разу не видела, чтобы кобылы реагировали на свары самцов – по крайней мере, пока те выясняли отношения между собой.

«Обычно так и бывает», – ответил Рэнсом на заданный мной вопрос. По его словам, кобылы иногда высказывают

мнение по поводу мужских разногласий, изменяя свое поведение, однако это случается крайне редко.

В детские годы я читала, что в подобных ситуациях кобылы жмутся друг к другу²³ и с трепетом ждут исхода баталии между жеребцами, однако на деле это совершенно не так. Кобылы обыкновенно не обращают никакого внимания на происходящие конфликты, и это вполне разумный вариант поведения. В конце концов, если бы кобылы отрывались от еды всякий раз, когда пара жеребцов начинает многозначительно переглядываться, они бы умерли от голода.

* * *

Работая над докторской диссертацией, Рэнсом с помощью нескольких ассистентов, в том числе первого местного специалиста по лошадям Филлис Притор, следил за поведением отдельных животных в трех различных регионах Вайоминга и Колорадо. Проведенная работа позволила собрать мно-

²³ Классический пример подобной истории содержится в книге Х. М. Пиль «Фьюри, сын Пустыни» (*H. M. Peel. Fury, Son of the Wilds. Franklin Watts, 1959*), в которой со всеми подробностями рассказывается жизненная повесть австралийского необъезженного жеребца в стародавние времена, но сходные описания присутствуют и в многочисленных детских книгах, повествующих о жизни лошадей на свободе. В них кобылы почти всегда выглядят беспомощными, а жеребец благороден и внимателен. Подозреваю, что причиной непонимания ситуации является тот блеск, в котором так часто предстают перед нами жеребцы. На самом деле куда менее броские с виду кобылы представляют собой подлинный двигатель, обеспечивающий существование коллектива.

жество данных, которые совместно с результатами наблюдений других ученых за теми же животными предоставили возможность создать долгосрочный срез личного участия этих нескольких коней в социальной жизни, подобного которому не существует. Рэнсом обладал настолько подробной информацией, что иногда мог найти даже дату рождения коней, которые в то время, когда он занялся своей работой, уже начали стареть. Он знал, где некоторые из этих лошадей провели большую часть своей жизни, знал, когда они перемещались из одного района в другой, знал, когда и с кем они объединялись и как долго пребывали в обществе компаньонов, прежде чем продолжить свой жизненный путь.

Недавние этологические исследования наконец начали приоткрывать всю глубину эмоциональной жизни лошадей, однако само представление о том, что кони *испытывают* эмоции, трудно назвать новым словом в науке. Еще Чарльз Дарвин писал о лошадях (и не только) в своем шедевре 1872 года «О выражении эмоций у человека и животных», что свойственные человеку эмоциональные проявления – врожденные, универсальные и разделяются многими животными. Эта книга, считающаяся основополагающим текстом для этологии как науки, объясняет, что некоторые основные эмоции – гнев, страх и отвращение, например – возникли в качестве механизмов выживания на ранней стадии развития жизни. Например, в «О выражении эмоций» Дарвин сравнивал собственный испуг при приближении крупной змеи с ис-

пугом лошади. Общность эмоций, заявил Дарвин, помогает нам понять эмоции других видов. «Все поймут то озлобленное выражение, – писал он, – которое заложенные назад уши придают коню». Именно это мы с Рэнсомом увидели в горах Прайор в поведении жеребца, вытянувшего шею и заложившего назад уши. Никто из нас не посмел бы стать на пути этого хулигана.

С точки зрения Дарвина, базовые эмоции представляют собой универсальный язык, некий врожденный *lingua franca*,²⁴ общий для «человека и низших животных», как он выразился. Они как раз и представляют собой стратегии выживания, которые, по мнению Дарвина, следует методически изучать, переходя от вида к виду. Эта важная книга дала прочное научное обоснование изучению эмоций и поведения животных. Она научным языком сказала: мы одной крови.

«О выражении эмоций у человека и животных» и последовавшие за этой книгой труды Дарвина породили самые разнообразные научные исследования поведения животных, однако лошади по большей части остались за пределами этой парадигмы, невзирая на упоминание Дарвином их поведения. Быть может, этот факт стал следствием близкого знакомства: люди решили, что знают о лошадях все, поскольку одомашненные лошади – часть нашей повседневной жизни.

²⁴ Так называют язык или диалект, используемый в качестве средства коммуникации между носителями разных языков.

Только теперь, когда этологический принцип стал применяться к исследованию жизни диких лошадей, мы поняли, насколько мало знаем. К счастью, современные ученые разрушают многие глубоко укоренившиеся мифы. Например, в отчете Национальной академии наук США было сказано: «гарем, или так называемый косяк,²⁵ состоит из доминирующего жеребца и подчиненных взрослых самцов, самок и жеребят».²⁶ Такую теорию преподавали большинству из нас, и на первый взгляд она кажется справедливой. Наблюдая за дикими конями, мы в первую очередь замечаем бурную активность жеребцов.

Однако исследования Рэнсома и прочих специалистов показали, что подобный мужской шовинизм далек от истины. Кобылы, вовсе не будучи подчиненными, то и дело определяют действия группы. Жеребцы зачастую только следуют поданному примеру. Рэнсом однажды видел, что кобылы одного «гарема» перестали пастись и направились к воде. Же-

²⁵ В отечественном коневодстве термин «косяк» используется для обособленных групп лошадей, из которых состоит табун. Важно, что в косяке может присутствовать только один взрослый жеребец; это и есть основание для выделения из табуна особой группы. Автор книги использует термин *band*, традиционно переводимый как «косяк», по отношению к любым небольшим группам лошадей вне зависимости от количества взрослых жеребцов. В России такие группы в целом называют «табунами» в широком смысле слова.

²⁶ National Research Council of the National Academies. Using Science to Improve the BLM Wild Horse and Burro Program: A Way Forward. Washington, D.C.: The National Academies Press, 2013. P. 27. www.nap.edu/catalog.php?Record_id=135119

ребец этого не понял, а когда, оглянувшись по сторонам, заметил, что его подруги уходят, запаниковал.

«Он бросился за ними бегом, – рассказывал Рэнсом. – Словно маленький мальчик с криком: куда это вы все и с чего вдруг?»

Кобылы не обратили на него внимания. Похоже, их не волновало, догонит он их или нет. Иногда кобылы проявляют к жеребцам особое чувство. Они с удивительным упорством сопротивляются неприятному жеребцу, даже если этот самец успел утвердиться в роли главы группы. Джоэл Бергер изучал поведение двух не связанных родством кобылиц, несколько лет проживших вместе.²⁷ Парочка эта прибилась к косяку, над которым тогда пытался утвердить свою власть новый жеребец. Обе кобылы отказались принимать знаки его внимания. В книге «Дикие лошади Большого бассейна» (*Wild Horses of the Great Basin: Social Competition and Population Size*) Бергер описывал, как «в течение трех дней во время многочисленных попыток копуляции, предпринимавшихся жеребцом в отношении обеих кобыл (тринадцать и восемнадцать раз соответственно), одна из них отгоняла самца, кусая и лягая его, когда тот агрессивно и настойчиво» пытался соединиться с другой. Давно уже было известно, что самки слонов помогают друг другу, однако до того, как этологи начали свои систематические наблюдения, мало кто

²⁷ *Joel Berger. Wild Horses of the Great Basin: Social Competition and Population Size. Chicago: University of Chicago Press, 1986.*

подозревал, что кооперирующиеся кобылы могут не только затеять драку по подобному поводу, но и победить в ней.

Учитывая всю правду в отношении кобыл, слово «гарем» выглядит старомодным и неуместным.

Биолог Джон Тернер обнаружил нечто похожее, наблюдая за лошадьми, обитающими на чапаралевом²⁸ нагорье на границе Невады и Калифорнии. Проводившееся Тернером продолжительное, тридцатилетнее, по его словам, исследование зафиксировало много случаев неподчинения кобыл жеребцам, особенно в тех случаях, когда старого жеребца прогоняет новый. Поведение кобыл, попавших в подобную ситуацию, сказал он, зачастую имеет сложный и тонкий характер, так что если исследователи не наблюдают внимательно за животными многие годы, то могут пропустить тот факт, что кобылы часто действуют по собственной воле.

«Иногда кобыла так сопротивляется переменам, что новый жеребец позволяет старому прийти и забрать ее, – сказал он мне. – Новый может решить, что благосклонность столь упертой особы не стоит затраченных усилий. Конечно, нетрудно впасть в антропоморфные аналогии, однако иногда они просто очевидны. Многие поступки лошадей определяются теми же соображениями, что и наши».

²⁸ Чапараль – ксероморфные кустарники, достигающие в высоту 3–4 метров и способные переносить продолжительную засуху.

На той же конференции в Вене, где я познакомилась с Рэнсомом, я также встретила со специалистом по этологии лошадей, испанкой Лаурой Лагос, которая вместе с биологом Фелипе Барсеной изучает поведение необычной породы вольных лошадей, называемых «гаррано» (см. илл. 3 на вклейке). Лагос пригласила меня в Галисию, на северо-запад Испании, где она изучает этих животных. В труднопроходимом краю, в котором многие тысячелетия вместе обитали кони, волки и люди, Лагос и Барсена год за годом следили за поведением вольных лошадей – точно так, как это делали Рэнсом и его сотрудники в Вайоминге и Колорадо. Ученые научились восхищаться крепкой и упрямой конской породой.

Гаррано, возможно происходящие от тех лошадей, которых рисовали художники ледникового периода, ведут суровую и неприхотливую жизнь. На американском Западе у диких лошадей мало врагов среди хищников, однако гаррано приходится защищаться от беспощадных волчьих стай. Они должны выносить причуды переменчивого климата Северной Атлантики и процветать при этом на монодиете из утесника. Это растение, иногда называемое «адским», вместо листьев снабжено острыми шипами и вырастает по грудь человека. Попытка пробраться через его заросли без длинных

брюк подобна средневековому кровопусканию, однако гаррано любят свой корм. Многие кони даже имеют густые и толстые усы, вероятно возникшие для защиты нежных губ от колючек.

В ходе исследований Лагос и Барсена зафиксировали поведение пары кобыл, принадлежавших к одному из косяков и очень привязанных друг к другу; они часто паслись на некотором отдалении от всего табуна. В брачную пору обе дамы совместно посетили чужого жеребца. Лагос видела, как одна из них соединялась с жеребцом другого косяка, а не ее собственного. Потом обе возвратились в свой косяк. Когда в пору пришла вторая кобыла, парочка опять оставила свой косяк вместе с жеребцом и отправилась на случку с другим конем. После чего опять же обе возвратились обратно. Такое поведение не было аномальным, она видела, как то же самое повторилось на следующий год. «Они предпочитают свою территорию, и притом жеребца из другой группы», — объяснила мне Лагос.

Исследователи Катерина Гаупт и Рональд Кейпер, изучавшие поведение ряда табунов, в том числе на острове Ассатиг возле североамериканского атлантического побережья, также отмечали, что «жеребцы не были ни доминантными, ни самыми агрессивными животными... и подчинялись некоторым кобылам».²⁹

²⁹ *Katherine A. Houpt, Ronald Keiper. The Position of the Stallion in the Equine Dominance Hierarchy of Feral and Domestic Ponies // Journal of Animal Science 54,*

Я подозреваю, что миф о доминантности жеребцов просуществовал так долго благодаря тому, что их поведение куда более театрально. Они пыжатася, фыркают, ржут и визжат, а если доходит до настоящей драки, становятся на дыбы и проявляют прочие признаки воинственности. Кобылы, напротив, смиренно щиплют травку, выкармливают жеребят и не отличаются резким нравом.

Британская исследовательница Дебора Гудвин предполагает, что представление о доминировании жеребца может восходить к иерархической структуре нашей культуры.³⁰ Она считает, что именно собственная концентрация на доминировании заставляет нас зашоренными глазами взирать на взаимоотношения лошадей.

«Фактор шор» может быть причиной того, что нам часто не удастся заметить гибкость природного поведения коней. Традиционно мы представляем себе наши отношения не в виде партнерства, а антропоцентрично, то есть считаем, что властны над лошадьми, а они нам подчиняются. Таково наше восприятие естественной природы вещей. На этом история якобы заканчивается, но мы невнимательны, а потому многое не понимаем. В частности, не учитывается тот факт, что общественная жизнь кобыл может быть довольно сложной. Одна кобыла может доминировать над второй, вторая

1982. P. 945–950.

³⁰ *Deborah Goodwin. The Importance of Ethology in Understanding the Behaviour of the Horse // Equine Veterinary Journal 28, 1999. P. 15–19.*

над третьей – но третья, в свою очередь, над первой.

Более того, выходит, что кобылам не приходится вести жестокие схватки, чтобы добиться желаемого. Вместо этого они пользуются методикой терпения.

Например, Рэнсом полагает, что всего лишь около половины жеребят в изучавшихся им табунах рождалось от доминировавших в них жеребцов. Это открытие опровергает общепринятую точку зрения, утверждающую, что жеребцы часто убивают тех жеребят, чьими родителями не являются.³¹ Я была удивлена.

«То есть кобылы “ходят налево”, когда никто этого не видит?» – спросила я.

Он ответил мне, рассказав историю кобылки по прозвищу Высокий Хвост, невзрачной и невысокой лошадки с проваленной спиной и некрасивой шкурой. Мы наблюдали за ней у подножия гор Прайор, со стороны штата Вайоминг. Свое прозвище Высокий Хвост она получила из-за того, что репица хвоста находилась на ее крупе несколько выше положенного. Высокий Хвост, стареющая буланая лошадь с широкой и непрерывной черной полосой по спине, имела на холке и на нижней части передних ног полосы, как у зебры. За исключением этих очевидных отметин, Высокий Хвост ничем не отличалась от обыкновенной кобылы, пасущейся на поле фермы. Не зная повести ее жизни, можно было при-

³¹ Действительно, жеребцы иногда убивают жеребят (чужих детенышей), однако никто не знает, как часто и почему это случается. – *Прим. автора.*

нять ее за пони или отставную пахотную лошадь. Дни славы и блеска в ее жизни давно миновали, и вы, пожалуй, не удостоили бы ее вторым взглядом.

Тем не менее собранные Рэнсомом материалы свидетельствовали, что у этой кобылы за ее долгую жизнь было несколько долгих связей с жеребцами. Она чувствовала глубокую привязанность, во всяком случае к одному из них, приятелю ее молодости. Высокий Хвост, безусловно, не обладала такой физической силой, как жеребцы вроде Дюка или Текумсе, однако в изобилии была наделена жизненной силой. Она использовала свои шансы.

Живущие на воле лошади всегда себе на уме. Филлис Притор говорила мне: «Они думают как-то иначе, чем мы. Это все, что я могу сказать. Они думают по-другому».

Если мустанги в целом «думают по-другому», не так, как домашние кони, то Высокий Хвост явно думала не так, как прочие мустанги.

Многие из лошадей, населяющих горы Прайор, предпочитают проводить лето на пышных цветущих лугах, расположенных на сотни метров выше того места, где мы стояли, наблюдая за Высоким Хвостом. Эти горные луга, полные ароматных люпинов, сладких лютиков и прочих деликатесов, являются вошедшей в поговорки «землей, в которой течет молоко и мед»³² для животных, вынужденных пережи-

³² Это выражение часто встречается в Библии, см.: Исх. 3:17, Лев. 20:24 и Числ. 14:8.

вать непредсказуемые и суровые зимы Вайоминга.

Тем не менее Высокий Хвост никогда не поднималась туда. Она родилась в 1989 году внизу, в гораздо более пустынном краю, и предпочла там и остаться. В этом заключается одно из крупных различий между конскими табунами и стадами травоядных животных. Кони выбирают собственный дом, знакомую территорию. Они кружат по своей земле и летом предпочитают продутые ветрами всхолмья, а зимой защищающие их долины и редко передвигаются на большие расстояния.

Рэнсом впервые познакомился с Высоким Хвостом в 2003 году. Он обнаружил, что кобыла проводила время в обществе Сэма, жеребца, родившегося в 1991-м. Они составили пару, по мнению Рэнсома, образовавшуюся во время их юношеских скитаний. Старый миф утверждает, что жеребцы покоряют кобылиц, однако, если хорошенько присмотреться, вы сумеете заметить, что кобылы подчас старательно завоевывают их внимание.

Они могут быть столь же напористыми и настойчивыми, как жеребцы.

Альянс Высокого Хвоста и Сэма начался и продолжался. Они оставались вместе год за годом. Постепенно к ним присоединялись другие кобылы, и Сэм оказался связанным с этой небольшой группой кобыл и жеребят. Исследования показывают, что жеребцы мирно соединяются с кобылами примерно в половине случаев. Жеребцу нет необходимости

«покорять» кобылу, которая и так часто более чем согласна на партнерство.

Вскоре после того, как Рэнсом начал следить за группой Высокого Хвоста и Сэма, он заметил, что неподалеку от них держится второй, более молодой жеребец. Сэм не приветствовал появление молодого конкурента, получившего кличку Сидящий Бык.³³ Чем больше молодой конь пытался влиться в группу, тем чаще Сэм отгонял его. Он тратил много сил на то, чтобы избавиться от соперника, но безуспешно.

Всякий раз, когда Рэнсом видел косяк Высокого Хвоста, Сидящий Бык обнаруживался где-то рядом. Он обретался на краю, выслеживал кобыл и избегал Сэма. Такой жеребец, называемый в науке сателлитным, пользуется выжидательной стратегией случки. Он всегда находится рядом, где-нибудь на краю, рассчитывая привлечь внимание одной из кобылиц. «Держится как следопыт», – кратко сформулировал Рэнсом. В научной литературе есть упоминания о том, что сателлитным жеребцам иногда удается договориться с лидером группы; таким образом они постепенно приобретают возможность на ограниченной основе совокупляться с некоторыми кобылами, однако взаимоотношения Сэма с Сидящим Быком складывались иначе. Кони постоянно дрались. Тем не менее Сидящий Бык держался рядом с косяком, до-

³³ Назван в честь вождя индейского племени хункпапа, имя которого на его родном звучит как Татанка Ийотаке («Бизон, сидящий на земле»). – *Прим. пер.*

жидаясь своего часа.

И час настал в 2004 году. Лошади, живущие у подножия гор Прайор, постоянно испытывают потребность в питьевой воде. Косяк, к которому принадлежала Высокий Хвост, часто спускался по крутым стенам каньона Биг-Хорн, чтобы досыта напиться речной воды. Однажды лошади группой направились вниз. Записи показывают, что Сэм не позволил Сидящему Быку спуститься вниз. Пока молодой жеребец оставался наверху, остальные кони пили воду, находясь на небольшом пригорке. В это время вода стала подниматься из-за случившегося в верховьях реки ливня. Поток затопил ущелье, отрезав животным путь к отступлению. Примерно две недели Высокий Хвост, Сэм и остальные находились в западне без еды. Ситуация была настолько тяжелой, что одна из кобыл умерла в родах.

Осознав крайнюю опасность, на помощь пришли люди, которые помогли животным спастись. Истощенные лошади сумели выбраться из ущелья. У Сэма опали бока. Едва живой от голода, он стал легкой добычей сателлитного жеребца, дежурившего наверху ущелья. Как только лошади поднялись, по словам Рэнсома, «Сидящий Бык набросился на Сэма и прогнал его». Сэм несколько раз пытался избавиться от молодого конкурента, но теперь ему не хватало сил для победы.

Большая часть косяка признала нового жеребца. Но не Высокий Хвост. Буланая кобыла предпочла Сэма – жеребца,

рядом с которым провела многие годы своей жизни. С точки зрения этой лошади ее связь с Сэмом была сильнее дружбы с другими кобылами из группы. Она при каждой возможности оставляла косяк и отправлялась на поиски старого милого друга. И всякий раз молодой конь возвращал ее назад, по-змеиному вытягивая шею и обнажая зубы – то есть угрожая.

Чтобы избежать укусов, она подчинялась и возвращалась в косяк, но стоило Сидящему Быку потерять бдительность, Высокий Хвост вновь отправлялась по своим делам.

«Только что мы видели ее с Сидящим Быком, проходит немного времени, – пояснял Рэнсом, – и вот она уже опять с Сэмом». Так продолжалось много недель, пока наконец молодой жеребец не перестал преследовать ее. «С этого времени, – продолжил он, – Сэм и Высокий Хвост остались вдвоем. Они вновь нагуляли прежний вес, и Сэм даже попытался прогнать Сидящего Быка и отбить назад прочих кобыл, однако все его попытки закончились неудачами».

Высокий Хвост оставалась с Сэмом до его смерти в 2010 году (из-за постоянного стресса, вызванного непрекращающимися схватками с другими самцами, жеребцы часто живут намного меньше кобылиц). После смерти Сэма исследователи видели Высокий Хвост с жеребцом, которого они прозвали Адмиралом. В конечном итоге лишился милости и Адмирал.

Когда мы видели ее в те июльские дни, состарившаяся Высокий Хвост пребывала в компании всего двух лошадей.

Одна из них, кобыла, принадлежала к ее первоначальному табуну, они были знакомы уже много лет. Вторым по иронии судьбы стал старый узурпатор Сидящий Бык. Отвергнутый Высоким Хвостом в прежние годы, *теперь* он сделался одним из ее закадычных друзей. Исследователи, изучавшие поведение приматов в природных условиях, давно отметили приливы и отливы симпатий в группах животных, но теперь мы наконец узнали, что и обитающие в природных условиях лошади ведут себя подобным образом.

Я спросила у Рэнсома, существуют ли в поведении коней в естественной среде обязательные для соблюдения правила.

«Они редко выбирают одиночество. Это непреложный факт», – ответил он, не сумев выделить что-нибудь еще. Подобно людям, кони наделены чрезвычайной мыслительной гибкостью, позволяющей им приспособливаться к феноменальному разнообразию ситуаций.

Традиционно мы привыкли думать, что лошади повинуются примитивной компьютерной бинарной логике позитивных и негативных поощрений – морковка или плеть. Теперь, когда наука показала нам все тонкости общения лошадей между собой, мы можем расширить взаимодействие и усовершенствовать общение с ними, обогатив тем самым наше партнерство. Это волнующая новость, причем не только для лошадей, но и для нас самих. Связь, традиционно считавшаяся односторонней – мы командуем, они повинуются, – может стать во многих отношениях более разнообразной и тон-

кой.

Однажды я купила очень хорошо вышколенного пса. Он исполнял любую отданную мной команду. Поначалу это казалось мне забавным, но потом стало скучным. От пса не было никакой эмоциональной отдачи. Однако, прожив год в моем доме, он сообразил, что наши отношения имеют двусторонний характер. Он по-прежнему оставался исполнительным (в известной степени), однако безусловно сделался более развитой личностью. И общение с ним стало гораздо интереснее.

Подозреваю, что общество Уиспера доставляло мне удовольствие по той же причине: он оказался, как я уже упоминала, самой вежливой лошадью среди всех, которые у меня были. Однако одновременно его можно назвать очень независимым, самостоятельным, так сказать, себе на уме. Он научил меня куда большему, чем я была способна научить его. Наставления Уиспера в том, насколько полезно не забывать об умственных способностях животных, остались со мной на всю жизнь и, возможно, помогли выжить в некоторых рискованных ситуациях, когда меня приносило на спине коня в те места, где мне определено не следовало быть.

Но я никогда не подозревала, что получу еще одно житейское наставление на холмах Вайоминга от другой лошади. Тем не менее именно здесь старая буланая кобылка Высокий Хвост показала мне пример того, что хорошо прожитая жизнь может не иметь ничего общего с блеском, властью

и драмой... напротив, ее определяет спокойная настойчивость. Судьба не баловала ее, и все же она прожила долгую и счастливую жизнь, имела несколько длительных связей, родила детенышей. Быть может, эволюция и вершится через таких, как она, – неказистых с вида.

* * *

Разговаривая, мы с Рэнсомом время от времени посматривали вдаль, на хребты Скалистых гор – тех самых, которые с момента начала своего повторного роста 66 млн лет назад играли важнейшую роль в истории эволюции лошади. И пока мы наблюдали за старой кобылкой, небо над вершинами гор потемнело.

Уже который день подряд температура преодолевала отметку в 38 °С, солнце в Коди безжалостно поджаривало всякую живую тварь, осмелившуюся высунуться из-под камня, крыши или листика. Разыскивая лошадей, мы шли от грузовика Рэнсома, одетые лишь в легкие тенниски, казавшиеся, однако, слишком тяжелыми под ослепительным солнцем и синим небом.

Но тут над древними горными вершинами начали собираться густые и черные, как полуночная мгла, облака. Вверху, над трехтысячметровыми вершинами, возле которых табуны насыщались свежей травкой, засверкали молнии, с интервалом в несколько секунд ударявшие в землю. Внезап-

ная перемена погоды как будто бы совсем не смутила Рэнсома, в отличие от меня. В моей родной Новой Англии подобные метеорологические фокусы не приветствуются. Внезапное превращение ясного и прозрачного голубого неба в зловещую угольно-черную твердь воспринимается жителями Новой Англии как предвестник апокалиптического события. Однако в этих краях местные относятся к подобным климатическим крайностям как к чему-то обыденному.

Подобно Рэнсому, Высокий Хвост не обращала внимания на грядущие атмосферные перемены. С помощью подвижных губ и заметно сношенных передних резцов она продолжала «стричь» травку, переходя от одного унылого пучка растительности к другому.

Да, коням по большому счету здесь не место, подумала я, представляя себе зеленые пастбища Новой Англии и пышные луга возле вершин гор Прайор.

«Почему она здесь застряла?» – спросила я.

«Не знаю, – ответил Рэнсом. – Но причина должна быть. Мы просто не знаем ее».

К этому времени гроза, накатывавшая со Скалистых гор, принесла с собой прохладу. Посыпались дождевые капли величиной с мармеладную конфету.³⁴ Они превратились в градины, и мы помчались к грузовику, но Высокий Хвост так и не оторвалась от еды. И если конь из Фогельхерда представ-

³⁴ Имеются в виду драже «желейные бобы»: жевательные конфеты с твердой оболочкой и мягкой фруктовой начинкой. – *Прим. пер.*

ляет собой своего рода квинтэссенцию жеребца, то Высокий Хвост показала мне воплощением лошади – победительницы в борьбе за выживание, умной и компетентной, устойчивой и надежной, готовой приспособиться ко всем обстоятельствам, с которыми столкнет ее жизнь.

* * *

Действительно, диких лошадей можно назвать специалистами в области приспособляемости, независимо от того, идет ли речь о выживаемости отдельного животного или о смене поколений в эволюционном плане. Им не страшны резкие перепады температуры, град, мороз, жара или снегопад. Кони способны жить буквально повсюду. Подкосить их не так-то просто.

Чтобы понять это, нужно лишь вообразить себе все множество свободных табунов лошадей, обитающих по всему миру. Никто не может в точности сказать, сколько диких лошадей населяет нашу планету или даже в скольких ее регионах обитают свободные табуны, так как кони нередко находят путь в такие уголки и закоулки природного мира, где редко можно встретить человека. Конские табуны можно обнаружить процветающими на высоте в 3000 метров над уровнем моря или на уединенных, продутых всеми ветрами островах Атлантики. Они могут наслаждаться жизнью в полях голубого кентуккийского мятлика, жить в пустынях, удовле-

творяться песколюбкой или чиной.

Когда я начала заниматься вольными лошадьми, меня удивило их количество – оно измеряется миллионами. Достойно удивления и разнообразие экосистем, в которых лошади могут не просто жить, но и процветать. Только в малонаселенных областях Австралии может обитать целый миллион диких лошадей³⁵ – в условиях настолько суровых, что пастбище нашей знакомой по имени Высокий Хвост может показаться рядом с ними раем. Австралийские и новозеландские лошади, так называемые брамби, неприхотливы, возможно, даже более, чем Высокий Хвост. Среди лошадиников бытует ошибочное мнение, будто бы лошадям в жару не по себе, однако это, естественно, не относится к обитателям пустошей Австралии, где температура может много дней подряд держаться выше 38 °С. В этом, безусловно, видна рука эволюции.

Недостаточно сильные, чтобы выжить в этих краях, лошади умирают молодыми, не оставив потомства. Только самые крепкие, независимые и умные способны пройти через это чистилище, выжить и дать начало новому поколению. (Уиспер, возможно, справился бы с этой задачей. Грей, скорее всего, нет. Хотя он мог бы пристроиться в компаньоны

³⁵ Число это горячо оспаривается, особенно в связи с проводимой правительством политикой отбраковки лошадей. Как и с большинством популяций диких животных, никто толком не представляет, какое количество этих лошадей-брамби населяет континент, однако очевидно, что их достаточно много. Наезды машин на диких лошадей – обыденное явление. – *Прим. автора.*

смышленому парню вроде Уиспера и таким образом сохранить себе жизнь.) Австралийские брамби отличаются от домашних лошадей в первую очередь ногами. Примерно за столетие жизни в австралийской глуши (в Австралии не было никаких лошадей до тех пор, пока в 1788 году вместе с партией ссыльных преступников на континент по морю не были привезены взрослый жеребец, четыре кобылы, молодой жеребчик и юная кобылка) их потомки приобрели чрезвычайно крепкие копыта, способные вынести постоянную ходьбу по, можно сказать, абразивным поверхностям. Один из австралийских ученых следовал за табуном, который два дня шел туда, где кобылы сумели досыта напиться воды, а потом еще два дня возвращался туда, где можно было пастись. В этом табуне исследователь заметил беглого домашнего коня – однако тот долго не продержался. Не имея сил поддерживать нужную скорость, он сильно страдал и умер. Иногда эволюция работает и таким путем. Конь этот, вероятно, имел много достоинств – кроме тех, которые *необходимы* для того, чтобы выжить в такой среде. После того как в середине XIX века Дарвин опубликовал свою теорию эволюции, многие сочли, будто весь смысл ее в том, что выживает сильнейший. Однако сам Дарвин мыслил куда более тонко. Если он и полагал, что «борьба за существование» подчас требует, как он выражался, «войны» между видами, то тем не менее понимал, что так же, как бедный домашний конь не мог выжить в мире брамби, животные, не приспособленные к ка-

ким-то конкретным условиям, просто не оставят потомства. В результате при наличии достаточного времени мир переменится. Таким образом, оказывается, что лошади наделены талантом приспособления к меняющемуся вокруг них миру. Существует еще несколько регионов, в которых лошади приспособились к жизни в чрезвычайно сухом климате. В Намибийской пустыне, расположенной на юге Африки (еще одно место, куда дикие кони были завезены людьми), живущие на воле лошади существовали в суровых условиях почти столетие. Исследователи полагают, что они могут происходить от армейских лошадей, использовавшихся в германской колонии.³⁶

Дикие кони небольшими группами обитают по всему американскому Западу. Они как будто бы неплохо чувствуют себя в окрестностях Долины Смерти, одного из самых жарких и сухих мест на Земле. Вам может показаться, что вид, способный жить в Долине Смерти, не сможет благополучно существовать среди болот и заболоченных местностей, однако на деле оказывается, что это не так. Есть популяция лошадей, которая обитает к югу от Намибийской пустыни в устье реки Бот. Вдоль всего атлантического побережья Северной Америки, от Национального прибрежного парка на острове Камберленд в Джорджии до Канады, кони живут на мно-

³⁶ Германская Юго-Западная Африка – немецкая колония на территории современной Намибии, образованная в 1884 г. и потерянная Германией в ходе Первой мировой войны.

гочисленных морских островах, в том числе в Северо-Каролинском заповеднике имени Рейчел Карсон, заповеднике Курритак Бэнкс, а также на островах Ассатиг и Чинкотиг в Мэриленде и Виргинии. Местное предание утверждает, что предки этих лошадей сами добирались до берега вплавь после частых кораблекрушений испанских кораблей, случавшихся здесь в XVI веке. Специалист по генетике лошадей Гас Котран действительно доказал наличие связи между этими островными лошадьми и лошадьми галисийскими, которых изучали Лагос и Барсена.

Но каким бы путем эти кони ни прибывали на острова, местные жители не мешали им оставаться. Подобные ситуации повторялись неоднократно. Содержать коней в конюшнях и денниках, да еще кормить их – хлопотное удовольствие; те же самые кони, оставленные на собственное попечение, могут прокормиться без особых усилий со своей стороны. В недавние годы в районах американского Запада, претерпевших экономический упадок, домашние кони были предоставлены сами себе – традиция эта стара, как само коневодство. В Европе после распада Восточного блока в 1989–1990 годах румынские фермеры во время развала коллективных хозяйств выпустили своих коней в дельте Дуная для того, чтобы дать им сомнительный, казалось бы, шанс на жизнь. По прошествии двадцати пяти лет количество этих животных, вероятно представляющих собой новейшую в мире популяцию живущих на воле лошадей, насчитывает уже

несколько сотен голов, и представители различных местных органов и международных организаций по охране животных спорят по поводу того, что с ними делать дальше.³⁷

* * *

Эволюционная гибкость лошадей проявляется и в нашем сегодняшнем мире. В 2000 километров от дельты Дуная во французском Камарге, болотистой местности в устье Роны, обитают знаменитые белые кони, считающиеся одной из наиболее древних популяций свободно живущих лошадей. Некоторые возводят их родословную к римской эпохе, другие утверждают, что кони «всегда» жили здесь, возможно, со времен Древнего Египта или даже еще более ранних.

Камаргская дельта представляет собой жаркую и сырую местность, кишашую самыми разнообразными насекомыми, переносчиками инфекции. Это мир, в котором лошади вроде бы не должны жить. Однако они там живут. Еще более неожиданным представляется тот факт, что камаргские лошади принадлежат к белой масти. Светлая окраска более рискованна в плане заболеваний, связанных с избытком ультрафиолета. (Подобная чувствительность служит причиной того, что европейская знать предпочитала лошадей белого

³⁷ Некоторые ученые предполагают, что выпущенные на свободу кони могли присоединиться к популяции лошадей, уже несколько столетий обитавших в регионе. – *Прим. автора.*

цвета: такая расцветка свидетельствовала о богатстве владельцев, которые могли содержать своих лошадей в конюшне и кормить их, а не выпускать на пастбище.)

Специалисты в области эволюции давно пытаются понять, почему эти лошади стали белыми. Разве не должна была эволюция «выполоть» животных с чувствительной кожей? Гипотеза, утверждавшая, что светлые кони посреди открытого болота менее заметны для хищников, оказалась неправильной, как и предположение о том, что в белой шкуре коню прохладнее, так как она отражает больше солнечного света.

Правильный ответ заключался в том, что Камарг изобилует невероятным количеством очень крупных мух, большой рой которых способен убить лошадь. Будучи переносчиками инфекционных заболеваний, оводы своими укусами к тому же могут настолько обескровить лошадь, что она заболевает. Если насекомых очень много, они доводят лошадей до смерти, мешая им есть.

Венгерский исследователь Габор Хорват и его коллеги утверждают, что в подобной ситуации белые кони имеют преимущество:³⁸ мухи нападают на них существенно реже, чем на темных. Оводы выбирают свою жертву по поляризованному свету, в котором фотоны колеблются в каком-то одном направлении, а не во всех сразу. Волосы темных лоша-

³⁸ *Gábor Horváth et al. An Unexpected Advantage of Whiteness in Horses: The Most Horsefly-Proof Horse Has a Depolarizing Coat // Proceedings of the Royal Society B 277, 2010. P. 1643–1650.*

дей поляризуют солнечный свет эффективнее, чем волосы светлых, поэтому темные кони создают более сильный привлекающий оводов сигнал. Белый конский волос почти не поляризует свет, поэтому оводы беспокоят белых лошадей меньше.

Почему же тогда большинство живущих на вольном выпасе лошадей не приобрели белую окраску? В разных частях света лошади пользуются самыми разнообразными стратегиями, когда речь заходит о спасении от гнуса. Они могут оставаться на возвышенностях, где ветер сдувает насекомых. Они могут во время сезона массового вылета оводов пастись в более сухих регионах (отсутствие влаги убивает мух). Они могут мигрировать в более холодные места, где насекомых меньше. Однако в Камарге у лошадей нет другого варианта. Дельта является истинным раем для оводов, обладая идеальной троицей выгодных для них условий – нужной влажностью, нужной температурой и отсутствием ветра. Следовательно, белая шкура предоставляет здесь коню определенные преимущества и потому служит фактором отбора.

* * *

Как и другие специалисты, интересовавшиеся тем, как системы изменяются с течением времени, Чарльз Дарвин потратил большую часть своей жизни на изучение приспособляемости лошадей за миллионы лет их истории, однако толь-

ко недавно наука показала нам, как эволюция помогла лошадям в современную эру, наделив их таким гибким геномом. Вид, эволюционировавший в условиях холодной и сухой степи ледникового периода, вид, примером которого может служить лошадь из Фогельхерда, способен жить также и на берегах Средиземного моря в жарком и влажном Камарге.

Другим примером приспособляемости лошадей могут послужить животные, населяющие канадский остров Сейбл (см. илл. 4 на вклейке).³⁹ Остров представляет собой небольшую песчаную отмель, расположенную в Северной Атлантике, примерно в полутора часах полета на аэроплане на восток от Галифакса, Новая Шотландия. Остров имеет форму очень узкого полумесяца, длина его составляет около 48 километров. Постоянно подвергающаяся натиску сильных штормов полоска земли кажется совершенно неподходящим местом для жизни диких лошадей, тем не менее их насчитывается здесь около 450 голов, они питаются песколюбкой и чинной. Скудный как будто бы корм, однако лошади, брошенные здесь бостонским предпринимателем перед Американской

³⁹ Канадский исследователь Филипп Д. Маклохлин рассказывал о лошадях острова Сейбл на уже упомянутой в тексте конференции. После своего выступления доктор Маклохлин любезно согласился обсудить результаты своих исследований со мной прямо на конференции и потом в телефонных разговорах. Он также ознакомил меня с официальными материалами о происхождении коней. Большая часть представленной здесь информации восходит к нашим беседам и полученным от него печатным материалам. Однако теоретические соображения относительно укорачивания конских бабок (путо) в связи с необходимостью подниматься по крутым песчаным дюнам принадлежат лично мне. – *Прим. автора.*

революцией, просуществовали на острове более 250 лет. Кони острова Сейбл отличаются и своим поведением.⁴⁰

При полном отсутствии хищников количество их возрастает и уменьшается естественным образом. Их никто не кормит и не заботится о них. После 1960-х годов численность этих лошадей не регулировалась. По сути дела, кони острова Сейбл – единственный в современном мире пример полностью самостоятельной и свободной от внешнего воздействия популяции лошадей.

Кони эти зависят только от тех даров, которыми может наделить их море, и тем не менее за последние годы численность их только увеличивалась. Во время нашей встречи на конференции в Вене канадский исследователь Филипп Маклохлин удивил меня предположением, что взрывное увеличение численности лошадей может быть связано со столь же взрывным увеличением численности тюленей. Похоже, что международный запрет охоты на тюленей⁴¹ привел к тому, что на этот остров теперь ежегодно приплывают рожать несколько сотен тысяч тюленей. Эти массовые роды, по мне-

⁴⁰ *Adrienne L. Contasti et al. Explaining Spatial Heterogeneity in Population Dynamics and Genetics from Spatial Variation in Resources for a Large Herbivore // PLoS One 7, 2012. URL: www.plosone.org/article/info%3Adoi%2F10.1371%2Fjournal.pone.0047858*

⁴¹ Охота на гренландского тюленя, распространенного в морях и океанах Северного полушария, разрешена в Канаде, Норвегии, России (только на взрослых особей). Европейский союз и некоторые другие страны мира, в том числе Россия, вводят экономические меры по ограничению такой охоты в виде запретов на внутреннюю торговлю, импорт и экспорт продуктов и материалов из тюленя.

нию Маклохлина, совместно с сопутствующим выделением огромного количества фекалий значительно усиливают процесс, который он называет «переносом нутриентов из моря на сушу». Иными словами, тюлени оставляют после себя поля богатого азотом помета. Помет питает растения. Растения кормят коней.

Лошади, единственные на острове не морские млекопитающие, служат подлинной природной лабораторией эволюции. Прошедшие века придали им уникальный характер. Бабки сделались настолько короткими, что иногда с большого расстояния ноги коней кажутся похожими на ноги горных коз. Бабки большинства лошадей, длинные и угловатые, добавляют упругости шагу лошади, который, в свой черед, способствует большей скорости и живости галопирования по открытой равнине. Длинные бабки возникли в ходе реализации стратегии выживания. Однако чем они длиннее, тем больше опасность, угрожающая хрупкой кости и сухожилию, которые можно переломить или растянуть. Подобный недостаток стал причиной прекращения карьеры многих скаковых лошадей. Однако на острове Сейбл лошадям не приходится убежать, чтобы спастись от хищников. Здесь их враг – рыхлый песок, а опаснейшим «хищником» становятся крутые и коварные дюны, иногда поднимающиеся почти на 300 метров, на которые животным приходится забираться в поисках еды. Эти дюны представляют собой крайне ненадежную опору для ног лошадей. На острове Сейбл конь скорее

повредит ноги, спускаясь с крутой дюны, чем бегая по прибрежному пляжу. Однако голодному коню приходится подниматься и спускаться, преодолевая такие препятствия.

И, как следствие, эволюция, как и в Камарге, сделала очевидный выбор. У коней острова Сейбл более короткие, менее уязвимые бабки, делающие их отчасти похожими на коз. За прошедшие 250 лет естественная селекция осуществила выбор в пользу более коротких бабок, благоприятствуя способности коней пастись и таким образом способности жить дольше и производить на свет больше отпрысков. Мы часто представляем себе эволюцию как непостижимо сложный процесс, однако в данном случае его направление очевидно.

Кони острова Сейбл отличаются и своим поведением. По всему миру конские табуны делят друг с другом территорию. И хотя они не передвигаются вместе, территории их часто пересекаются, приводя тем самым к скандалам и ссорам, очевидцами которых мы с Рэнсомом были в горах Прайор. При всем том, что кони постоянно ссорятся и конфликтуют между собой, они обычно не прогоняют со своих пастбищ другие табуны. Кони не территориальны.

Но на острове Сейбл их жизнь устроена по-другому, здесь они держатся собственных территорий. Ресурсы острова ограничены. Поэтому кони выделяют территории, которые защищают от других табунов. Маклохлин обнаружил, что вместо того, чтобы использовать пастбища сообща, лошади поделили остров на три различающиеся территории:

западную оконечность с ее обильными лугами и непересыхающим пресноводным прудом, среднюю часть с пастбищами похуже и не всегда наполненными водой прудами и восточную оконечность с очень плохими пастбищами и к тому же почти лишенную хорошей воды. Коням, живущим на восточной оконечности острова, приходится копытами вырывать ямки в песке, чтобы напиться пресной воды. Кони, обитающие на западной оконечности острова, не пускают коней с его восточного края на свою территорию. То есть, по сути дела, конские табуны сформировали общественную иерархию, вкладывая новый смысл в разделение своего общества на слои – верхний, средний и нижний классы.

Населяющие огромный мир другие популяции лошадей сумели выработать собственные необыкновенные и зависящие от внешней среды стратегии выживания. Говорят, что сибирские лошади, живущие возле реки Яны вблизи Северного полярного круга (их иногда называют якутскими; см. илл. 5 на вклейке), зимой погружаются в некое оцепенение.⁴² Летом эти кони постоянно находятся в степи на свободном выпасе, запасая калории в толстом слое подкожного жира. Зимой они живут на накопленных за лето запасах, дышат в два раза реже, чем летом, и в основном стоят на месте, по возможности не предпринимая лишних усилий.

Сельские жители считают подобное состояние полуспяч-

⁴² V. Pitulko et al. The Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glacial Maximum // *Science* 303, 2004. P. 52–56.

кой.

Приспособление – это бесконечный процесс. Где бы, в каком уголке мира ни жили лошади, с течением времени они приобретают новый облик, более приспособленный к тому миру, в котором обитают. Наблюдая за ними, нетрудно полюбить даже их предысторию – не только жизненную повесть отдельных животных, но и весь проделанный ими эволюционный путь.

Домашний конь – своего рода универсал, выращенный за тысячелетия согласно нашим желаниям, определяемым нашими потребностями. Единственная причина того, что все получилось так хорошо, заключается в эволюционной податливости этого животного. Его гибкость стала для нас благословением. Мы сумели вырастить огромных шайров, способных везти на своей спине вооруженного рыцаря; квотерхорсов с тяжелыми бедрами, готовых стремительно пронестись 400 метров; легкокостных рысаков, запрягаемых в коляски; гибких пони, способных перепрыгнуть высокий забор, несмотря на собственные короткие ноги (см. илл. 1 на вклейке).

Так откуда же взялись все эти качества? Нам известно, что современная лошадь вида *Equus*, «самая совершенная бегунья планеты», согласно мнению палеонтолога Даррина Паньяка, возникла не позднее чем 4 млн лет назад.⁴³ Но это было чудо, уходящее корнями на 56 млн лет назад, когда

⁴³ Даррин Паньяк, частный разговор.

предки лошадей появились на нашей планете совершенно в другом облике. За прошедшее с этой поры время, за десятки миллионов лет, облик нашего спутника лепили и переделывали эры глобальной жары, ледниковые периоды, тектонические потрясения, взрывы супер- и мегавулканов и прочие многочисленные планетарные силы, которые к нашим дням научили его искусству приспособления. Это чрезвычайно умное создание способно постоять за себя в самых сложных условиях или позволить запереть себя в конюшнях, на пастбищах или в городах XXI века. Подобно Уисперу, наши кони способны осваивать новые умения и справляться с проблемами, возникающими, когда хозяин конюшни, подобно мне самой, оставляет желать лучшего.

«Лошади в наши дни, – сказал мне однажды Рэнсом, – занимают антропогенную нишу. Они живут там, где мы им позволяем. Если выделить им дополнительное пространство, они и его освоят».

* * *

Когда-то давным-давно, в калифорнийской Долине Смерти, я наблюдала за двумя лошадьми, неподвижно замершими на месте и старавшимися вытерпеть полуденное солнце. Долина Смерти получила свое имя от свойственного ей обжигающего жара, и когда температура находится в худшем максимуме, хочется при дыхании прикрыть лицо влажной тряп-

кой, чтобы не обжечь легкие. Лошади стояли как каменные изваяния посреди раскаленного песка. Находясь под безжалостным солнцем, я понимала их поведение и подобно им старалась двигаться как можно меньше.

Для оводов было слишком сухо, однако какие-то насекомые все-таки докучали животным. Они стояли рядом, головой к крупу, тесной парой, размахивая хвостами и тем самым помогая друг другу. Подобное поведение я видела до этого тысячу раз, однако никогда не задумывалась о нем.

Однако в тот день что-то изменилось. Невзирая на жуткую жару, я была там не одна, меня окружали такие же исследователи поведения животных. Именно тогда я поняла, каким бесценным даром являются лошади для современных людей и насколько мы осиротеем, если лишимся их. Даже спустя много тысячелетий после того, как неизвестный резчик создал шедевр из Фогельхерда, мы получаем удовольствие от наблюдения за дикими конями. Мы относимся к ним как к диким или домашним животным, как к нашим спутникам и проводникам в таинственный мир живой природы. Мы нуждаемся в лошадях.

В одной конюшне я встретила пару пенсионеров, привезших с собой на несколько недель отдыха своего спасенного коня. Этот поступок настолько очаровал меня, что я стала расспрашивать их о нем. Оказалось, что они повсюду берут его с собой. Конь был настолько привязан к ним, что начинал волноваться, если их не оказывалось рядом. Подозреваю,

что это партнерство было воистину обоюдным и что процесс ухода за животным, в данном случае выливавшийся в ежедневный сложный двухчасовой груминг (ему каждый день протирали ноздри и уши и кормили при этом морковкой), равным образом утешал их самих.

Каждое утро супруги приходили в конюшню, чтобы причесать животное, почистить ему зубы и промыть глаза. Они разговаривали с ним и угощали его вкусеньким. Если не считать липицианов, которых я встречала в Испанской школе верховой езды в Вене, более чистого меринка я не видала в своей жизни. Выезжали на нем нечасто, однако, когда это случалось, жена ехала на своем сокровище верхом, а муж сопровождал их на мотоцикле. Любо-дорого было смотреть.

Лошади пробуждают в человеческой психике совершенно неопишуемые чувства, некую странную смесь восторга и покоя. От одного взгляда на изображение лошади на стене музея или пещеры у человека может замереть сердце. Присутствие коней в нашей жизни придает миру величие, даже если нам удастся увидеть их лишь издалека. Когда Служба национальных парков США решила переселить часть лошадей с охраняемых речных берегов в обнищавший Озарк, горцы запротестовали. Сами кони не представляли собой ничего особенного, и, по всей видимости, они сумели найти дорогу в национальный парк, будучи брошенными фермерами в худшие дни депрессии 1930-х годов. Эти животные ничем не отличались от тех, которые стояли у местных жителей в

конюшнях и паслись на пастбищах. И тем не менее многие из них хотели, чтобы лошадей оставили в покое. Их присутствие утешало людей.

«Пока на воле ходят дикие кони, у нас еще остается надежда», – сказал один из них.⁴⁴

Быть может, в этом и заключен весь смысл изображений лошадей, сделанных художниками ледникового периода: кони символизировали надежду.

И просто составляли нам компанию. Но где же кроются корни такого сотрудничества?

⁴⁴ *J. Sanford Rikoon. Wild Horses and the Political Ecology of Nature Restoration in the Missouri Ozarks // Geoforum 37, 2006. P. 200–211.*

2

В стране Бутча Кэссиди

Если ты хочешь ощутить эволюцию современной лошади, возьми коня за щетку волос над копытом и почувствуешь остатки тех пальцев, которые были на ногах его предков.

РИЧАРД ТЕДФОРД⁴⁵

Однажды, когда я еще жила в Вайоминге, Филлис Притор отвезла меня в своем мощном красном, как пожарная машина, пикапе, укомплектованном американским флагом и пистолетом с изображением гремучей змеи, наверх, на плато Пулкэт-Бенч. День уже клонился к вечеру, и по дороге наверх мы миновали вереницу нефтяников, простых работяг, возвращавшихся с промысла в город.

В этом краю много нефти. Задолго до того, как примерно 66 млн лет назад начали расти Скалистые горы, территорию современного Вайоминга покрывали моря,⁴⁶ то наступавшие

⁴⁵ Ричард Тедфорд – сотрудник Американского музея естественной истории, участник совещания, проведенного в музее в 1981 г. и посвященного феноменальному распространению лошадей-гиппарионов. См. статью об этой конференции: *Bayard Webster. The Hipparion Is Still an Elusive Horse // The New York Times, November 17, 1981. URL: www.nytimes.com/1981/11/17/science/the-hipparion-is-still-an-elusive-horse.html*

⁴⁶ Чтобы наилучшим образом понять происхождение уникальной топографии

на сушу, то откатывавшие обратно; приливы и отливы их определяли дрейф континентов, тектонические события, перемены глобального и местного климата. Господство этих мелководных морей, в которых процветала всякая крупная и мелкая морская живность, привело к тому, что первые разведчики, занимавшиеся поисками нефти в этих высокогорных пустынях, обнаружили слои «сланцев настолько черных, что от них буквально разило океанским отливом»,⁴⁷ если воспользоваться словами неподражаемого Джона Макфи.⁴⁸ Эти древние моря то заливали сушу, то отступали обратно в течение десятков миллионов лет, и поэтому слои горных пород содержат теперь залежи нефти – мертвые, распавшиеся, погребенные, пропеченные внутренним теплом планеты останки морской жизни, превратившейся в сжиженные углеводороды, которые нам удобно транспортировать и сжигать.

американского Запада, лучше всего провести день в Денвере, в Музее природы и науки. Музей устраивает различные выставки и презентации, посвященные природе геологических сил, сотнями миллионов лет создававших современный пейзаж. Подробное представление о тектонике плит можно извлечь из книги: *Simon Winchester. A Crack in the Edge of the World: America and the Great California Earthquake of 1906*. N. Y.: HarperCollins, 2005. За полным и авторитетным изложением палеонтологии ранних лошадей в Вайоминге обращайтесь в Американский музей естественной истории. На сайте музея опубликованы старинные экспедиционные фотографии и статьи. URL: www.research.amnh.org/paleontology/photographs/1905-wyoming-eocene

⁴⁷ Во время отлива на берегу может оставаться большое количество органики, при высыхании или гниении издающей своеобразный запах.

⁴⁸ *John McPhee. Rising from the Plains*. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1986. P. 11.

В том или ином месте в топливо превращались разные морские организмы, поэтому нефть, добываемая в каждом месторождении, имеет свою сортовую характеристику. Нефть, извлекаемая из недр Поулкэт-Бенч, издает зловоние. Весьма заметное зловоние. Она обогащена серой. Отсюда и слово «поулкэт», которым в Вайоминге называют не хорька, а скунса. Подружка Притор, Нетти Келли, весь день ходившая вместе с нами следом за дикими конями, объяснила, что, когда работавшие здесь нефтяники возвращались домой, «жены первым делом стирали их одежду, потому что от нее нестерпимо воняло». Задыхаясь в облаке пыли, я никак не могла представить древние океаны или болота, раскинувшиеся в этих краях после того, как вымерли обитавшие здесь в огромных количествах доисторические животные (за исключением птиц).

Вечная бейсболка Притор прихлопнула сверху ее недлинные светлые волосы, пряди которых торчали возле ушей. Ее теннису покрывали многочисленные миниатюрные изображения скачущих лошадей, вперемежку с такими словами, как «дух», «жеребец», «свобода» и «красота», написанными курсивом. Занятая семьей, заготовкой сена и заботами о собственных лошадях, она в последнее время уделяла не слишком много внимания своему блогу «Энни-Полынь» (псевдоним был рожден от ее восхищения оригинальной «Энни – Дикой Лошадью»⁴⁹), однако кони, пасущиеся на террито-

⁴⁹ Вельма Бронн Джонстон (1912–1977), известная как «Энни – Дикая Ло-

рии ранчо, по-прежнему затрагивают струны ее сердца. Теперь, в середине седьмого десятка, она вспоминает, как в пять лет познакомилась со своей первой лошадкой, которую отец провел для этого прямо в кухню. С тех пор лошадь непрерывно присутствовала в ее жизни. Или две лошади. А то и шесть или семь. (Притор в этом не одинока. Владелец домашней гостиницы типа «ночлег и завтрак», в которой я остановилась, сообщил мне, что приютил одиннадцать верховых лошадей: «но дюжину брать не стал, это уж слишком».)

Мы наблюдали за лошадьми на вершинах Маккуллох (см. илл. 7 на вклейке) и теперь обменивались впечатлениями. Все кони держались на гребне хребта, где прохладный ветерок отгонял от них мух. Представив себе, сколько времени табунщики тратят на то, чтобы уберечь пасущихся лошадей от драки, я попыталась понять, как кони на хребте ладят между собой в столь напряженной ситуации.

«Они все время общаются друг с другом, – сказала мне Притор, напоминая о нашем разговоре на тему «другого способа мышления». – Они чертят в песке разделительную линию, а потом становятся по обе стороны от нее, воспринимая эту линию как настоящий забор. Они выстраиваются, а потом часами говорят между собой. Они всегда все обсуж-

шадь», – американский адвокат. Она боролась за охрану диких животных, против истребления мустангов и диких ослов на общественных землях, в том числе с самолетов и автомобилей. – *Прим. пер.*

дают». Много фыркают и топают ногами, однако до травм, как правило, не доходит. Даже жеребцы редко переходят к откровенному насилию, хотя визг и укусы становятся непременной составляющей переговоров.

Будучи в высшей степени практичной и рациональной жительницей Запада – однажды она сама одним лишь обси-диановым ножом разделала тушу бизона в каком-то глухом уголке просто для того, чтобы доказать, что это возможно, – Притор определенно уверена, что представители свободных конских табунов обладают здравым смыслом и честностью. Кроме того, она особенно неравнодушна к местным коням, лишь недавно обретшим свободу и происходящим от верховых и упряжных лошадей, приведенных в эти края хозяевами первых ранчо. Она даже провела старательное исследование их истории, проинтервьюировав в недавние годы многих старых хозяев. Результатом стала книга «Факты и легенды: прошлое мустангов гор Маккуллох».⁵⁰

Мустанги горы Прайор, обладатели испанской масти, могут рассчитывать на пристальное внимание прессы, однако маккуллохские лошади обладают генетическим наследием, которое невозможно найти в животных, населяющих Прайор, – это кровь английских шайров, французских першеронов, нескольких морганов и даже, возможно, чистокровных верховых (см. илл. 1 и 8 на вклейке). Местные ковбои счи-

⁵⁰ *Phyllis Preator*. *Facts and Legends: Behind the McCulloch Peaks Mustangs* (self-published, 2012). ISBN 9780-692-01509-4.

тали удачей иметь в своем распоряжении лошадь с этих вершин. Закаленные трудной жизнью в гористых краях, лошади Маккуллох считаются первоклассными и универсальными верховыми конями. Ковбои привыкли зарабатывать на их продаже, отлавливая и объезжая лучших из них.

Когда мы добрались до вершины Поулкэт-бенч, вокруг воцарилась обжигающая жара, примерно в ханнерт градусов (ханнерт, 100 °F или почти 38 °C – метеорологический термин, широко используемый по всему американскому Западу), стоявшая в то лето по всему региону. Дул ветер, почти 30 м/с, не порывистый, а равномерный, подобный течению могучей реки.

Притор и Келли заверили меня в том, что для Вайоминга это нормально.

«Свистит, как ветер в Вайоминге, так обычно мы говорим про любителей пустой болтовни», – сказала Притор.

Я вышла из грузовичка, и ветер вырвал дверцу автомобиля из моих пальцев. Я надеялась посидеть и насладиться видами, однако о мирном созерцании не могло быть и речи.

Я не предполагала, что ветер подвергнет меня пескоструйной обработке, и на моем лице, должно быть, отразилось разочарование.

«В наших краях считается, что под таким ветром лучше сидеть, – сказала Келли. – Но если задует чуть посильнее, можно будет полежать в машине и вздремнуть».

Мы с Притор и Келли провели большую часть дня, на-

блюдая за мустангами на вершинах Маккуллох, однако мне также хотелось доехать до Пуулкэт-бенч, чтобы собственными глазами увидеть слой яркой красной глины, в котором были обнаружены наиболее ранние из известных миру окаменелых останков лошадей. Эта терраса известна среди подростков как превосходное место для вечеринок, но палеонтологи знают ее как одно из лучших месторождений останков млекопитающих определенного возраста, соответствующего периоду примерно через 10 млн лет после того, как в конце мелового периода вымерла большая часть динозавров.

В это время, примерно 56 млн лет назад, первые лошади, «кони зари», эогиппусы, оставили свой первый след в каменной летописи (см. рис. 2).⁵¹ Они обладают особым статусом в палеонтологии: вскоре после своего появления эогиппусы распространились повсеместно и в большом количестве, так что их ископаемые останки присутствуют во многих уголках Северной Америки и в несколько отличающихся вариантах в Азии и по всей Европе.

Таким образом, эогиппусы – маркер конкретной палеонтологической страницы, «руководящей окаменелостью». Присутствие их останков в раскопе, подобно названию главы в книге, указывает на то, что исследователь читает в ней

⁵¹ Название «эогиппус» происходит от греческих слов ἑω («заря») и ἵππος («лошадь»). В английском языке используется дословная калька с греческого: *dawn horse*, «лошадь зари». В отечественной палеонтологии этот вид млекопитающих называют «гиракотерий», если речь идет о Евразии, или оставляют термин «эогиппус», когда говорят об ископаемых лошадях Америки.

слои, относящиеся к удивительной поро эоцена, «новой заре», времени начала *нашего* бытия, взрывного расцвета жизни, какой мы знаем ее теперь, рождения века, в котором различные семейства современных млекопитающих вступили в свои права и распространились по всей планете. Может показаться случайным, что древнейшая из известных нам лошадей появилась в начале эоцена, но это не так. Палеонтологи договорились считать началом этого периода время появления первой из лошадей, что указывает нам, насколько важную роль играли – и до сих пор играют – кони в палеонтологической науке.

Рис. 2. Ископаемые останки эогиппуса, или гиракотерия.

Реплика. Вайоминг

© *Linna / shutterstock.com*

Дебютировав на Пулкэт-Бенч, лошади быстро расселились по всему свету. Останков эогиппусов в Северном полушарии обнаружено так много и в столь большом количестве мест, что можно не сомневаться в том, что даже в начале своей эволюции лошади стали сказочной удачей природы, а их история – это история успеха. При своем невысоком росте, обычно не выше 60 сантиметров в холке, они компенсирова-

ли общей суммарной массой то, до чего не дотягивали индивидуально. В некоторых краях они распространялись словно сорняки. Есть регионы, где их следы трудно не обнаружить, если заглянуть в нужный геологический слой. Особенно если все труды по расчистке останков берет на себя ветер, под которым, по мнению Келли, лучше сидеть.

В палеонтологическом смысле Поулкэт-Бенч – уникальный объект; 56 млн лет назад он представлял собой в известном смысле уютное гнездышко. Современные Скалистые горы, поднявшиеся на западе, чтобы сыграть ключевую роль в эволюции лошади через десятки миллионов лет, уже могли в какой-то мере препятствовать ветрам, продувавшим Северную Америку от запада к востоку. На востоке начинали свое существование горы Бигхорн. Другие горные хребты окружали эту местность по мере того, как Северо-Американская тектоническая плита неотвратимо надвигалась на плиты тихоокеанского побережья.

Посреди этой горной страны укрылся хорошо орошаемый стоком с окружающих гор регион, известный ныне как Поулкэт-Бенч. Сейчас эта область представляет собой столовое плато, на которое приходится подниматься, однако в те времена это был речной район с разнообразными биотопами. Похоже, что тогда этот край был богат пищей. Наряду с самыми ранними из известных окаменелостей лошадей палеонтологи обнаружили здесь соответствующие тому же пери-

оду ископаемые останки эупримата – настоящего примата.⁵²

Итак, там, где я стояла, на террасе Поулкэт-Бенч, некогда возникло основание моего будущего партнерства с Уиспером. Головокружительная попытка соединить в уме это столь далекое прошлое с настоящим напомнила мне о попытке познать бесконечность, предпринятой мной в шестилетнем возрасте. На этом самом месте лошадь эпохи эоцена вполне могла пощипывать виноград.

Это совместное появление лошадей и приматов, случившееся в одной местности и в одной временной эпохе, не может оказаться случайным. В начале эоцена наши предки равным образом наслаждались влажной, жаркой, подобной джунглям средой, чему не следует удивляться, если учесть, что мы незадолго до того имели общего прародителя. Есть множество свидетельств, указывающих на его существование, однако самый практичный способ осознать это – обратить внимание, что наши скелеты устроены одинаковым образом, хотя кости и расположены иначе, и вытянуты по-другому согласно различному назначению. Сегодня мы кажемся непохожими, однако когда-то близкое родство невозможно было скрыть.

Признаки этого родства можно заметить в наших скелетах. Например, у древней лошади, современной лошади,

⁵² Важно отличать настоящих приматов от более ранних, похожих на приматов животных, останки которых находятся в более ранних геологических слоях и которых в популярной прессе иногда называют приматами. – *Прим. автора.*

ранних приматов и современного человека есть пателла. У людей эта округлая кость называется коленной чашечкой, и ее можно найти, ощутив колено. Она удерживается на своем месте сухожилиями, и горе тому, у кого они повреждены. Тогда коленная чашечка не сможет исполнять свои функции. У лошадей эта кость называется почти так же – «коленная чашка» (см. рис. 3). Ее легко нащупать, и плохо приходится тому коню, который повредит удерживающие ее сухожилия. Чтобы найти ее, проведите рукой вдоль передней поверхности задней ноги лошади почти до самого живота. Вот там вы найдете кость, подобную той, что присутствует в вашем колене. У лошадей эта кость не скруглена, а заострена. Помню, как ребенком я ощупывала ее и думала, почему у нее такая странная форма. Ранняя версия – бета-версия, если угодно, – коленной чашки современной лошади присутствует у эогиппусов Поулкэт-Бенч.

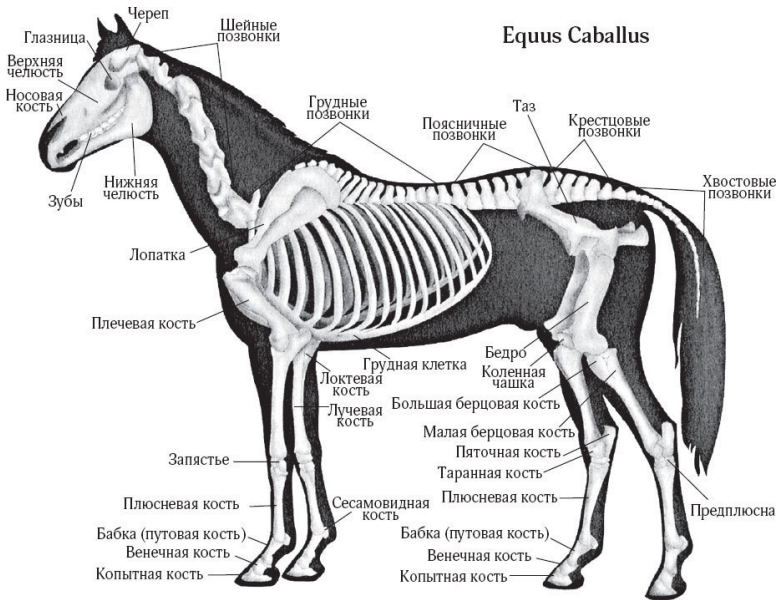

Рис. 3. Скелет современной домашней лошади

Еще одна общая черта скелета современных лошадей и людей – это *calcaneus*. У человека это пяточная кость. У коной это кость, расположенная в скакательном суставе. Проведите рукой по задней стороне задней ноги лошади. Примерно на середине ноги вы наткнетесь на сустав между пястью и голенью. В детстве я думала, что нога лошади поставлена коленкой назад. Конечно же я ошибалась. Эта кость эквивалентна не нашему колену, а кости, расположенной в ступне.

Различия между нами начали формироваться еще 56 млн лет назад. Пяточная кость приматов достаточно похожа на нашу с вами пяточную кость, и мы без особого труда признаем ее таковой. У эогиппосов скакательный сустав в какой-то мере уже напоминал соответствующий сустав современных коней. Если вы знаете, в каком месте ноги современной лошади находится этот сустав, то без труда обнаружите *calcaneus* в ноге древней лошади.

Все это просто замечательно. И лошади, и люди имеют кости плюсны и предплюсны, большие и малые берцовые кости, а также, по правде сказать, почти все другие кости, что свидетельствует о нашем общем биологическом происхождении. Иногда мне хочется мысленно поставить рядом скелет первого настоящего примата и скелет эогиппоса – и потом, фигурально говоря, прокрутить часы назад. Двигаясь назад во времени, мы заметили бы, как оба скелета становятся все более и более примитивными. Различия между ними постепенно исчезали бы, и наконец, оказавшись в нижнем углу эволюционной вилки, скелеты стали бы совершенно одинаковыми. Мы превратились бы в одно и то же животное, которое ученые помещают в основание родословных лошадей и людей. Иными словами, эволюция – великий процесс разворачивания жизни на нашей планете – лежит в основе нашего партнерства с лошадьми и служит причиной того, что мы можем научиться в самом деле понимать друг друга.

Пока не вполне ясно, когда именно существовало это исходное животное, наш общий предок. Некоторые исследователи полагают, что будущие кони и люди направились каждый по собственному эволюционному пути незадолго до того, как появились на Пуулкэт-Бенч, то есть, скорее всего, сразу после того, как вымерло большинство динозавров. Другие считают, что разделение могло произойти еще раньше, примерно 100 млн лет назад, во время, получившее романтическое название Меловой наземной революции. Я впервые прочла об этой революции еще ребенком в главе под названием «Как цветы изменили мир» в книге «Необъятный путь» (The Immense Journey) антрополога Лорена Айзли.

Эта революция, находившаяся в самом разгаре 100 млн лет назад, возможно, началась за несколько десятков миллионов лет до этого и стала одним из наиболее важных эпизодов в истории нашей планеты. Она, безусловно, была важнее падения астероида. До появления цветов, писал Айзли, «куда ни посмотри, от полюсов до экватора, всюду властвовала монотонная и холодная темная зелень, ибо растительный мир тогда не знал других красок». После революции цветы появились повсюду, планета обрела краски, чтобы никогда более не стать прежней.

По правде сказать, если бы не было цветов, мог не состояться и сам век млекопитающих. Мы могли бы навсегда остаться мелкими, незначительными и ничем не примечательными существами, какими были большую часть соб-

ственной 200-миллионной истории. Посмотрим правде в глаза: большую часть нашего пребывания на Земле мы не представляли собой абсолютно ничего интересного. По одной простой причине: мы сидели по норам, пока по зеленой земле топали чудовищные туши динозавров. По всей вероятности, наши предки питались в основном насекомыми, личинками и червяками и выходили на поверхность земли исключительно по ночам. Ни плодов, ни зерен они в то время не ели, поскольку таковых не было. Словом, вели жизнь скромную.

Скорее всего, они старались не попадаться никому на глаза и, вероятно, защищали свою жизнь, сделавшись, по словам палеонтолога Кристины Дженис,⁵³ «верткими прохвостами», животными, орудовавшими в подлеске. Во время господства динозавров млекопитающие представляли собой нечто вроде посредственных, похожих на крыс мелких четвероногих созданий, имевших пять пальцев на каждой ноге. Конечно, кое-кто из наших, вроде репеномама,⁵⁴ зверя размером с росомаху,⁵⁵ мог позволить себе питаться детеныша-

⁵³ *Christine Janis*. Victors by Default: The Mammalian Succession // *The Book of Life: An Illustrated History of the Evolution of Life on Earth*, 2nd ed., ed. Stephen Jay Gould. N. Y.: W. W. Norton Company, 2001. P. 171.

⁵⁴ *Yaoming Hu et al.* Large Mesozoic Mammals Fed on Young Dinosaurs // *Nature* 433, 2005. P. 149–152.

⁵⁵ Китайские палеонтологи, обнаружившие два известных науке вида репеномамов, предполагают, что *Repenomamus robustus* по размеру соответствовал вирджинскому опоссуму, а более крупный *Repenomamus giganticus* был в полтора

ми динозавров (один из экземпляров этого животного найден с юным ящером в желудке), однако по большей части наши предки являли собой только потенциал, но никак не реализацию. Самооценка наша, вне всякого сомнения, была низкой, и, вероятно, нам весьма помог бы совет какого-нибудь гуру – если бы таковой нашелся поблизости.

А затем динозавры вымерли – за исключением птиц. Вымерли и многие из наших млекопитающих кузенов. Вместе с динозаврами ушли в небытие примерно две трети из существовавших тогда тридцати пяти семейств наших предков. Впрочем, вымирания млекопитающих не происходили равномерно по планете. Вымирания вообще редко происходят подобным образом. Не являясь глобальными, они тем не менее растут как снежный ком. Чутьочку здесь, чутьочку там. В северных пределах Северной Америки, включая регион Полуэкэт-Бенч, вымирание было в *высшей степени* глобальным: исчезли девять десятых от общего числа семейств млекопитающих.

К счастью то или к несчастью, беды одного существа предоставляют возможности другому. В плотной, окутывающей планету пелене жизни появилась громадная прореха. Прекращение существования многих жизненных форм позволило сделать первый шаг в танце общения между лошадьми и людьми. Исчезновение большинства динозавров,

раза больше своего родича. Взрослые опоссумы весят от 2 до 6 кг, взрослые ро-сомахи – от 9 до 30 кг.

происшедшее около 66 млн лет назад, обычно связывают с падением астероида в регион, который мы теперь называем Мексиканским заливом. Без этого метеоритного удара, расчистившего сцену для великого эволюционного скачка, кони и люди могли и не появиться. Но послужило ли падение астероида причиной вымирания? Или же совпадение во времени стало результатом чистой случайности? Может быть, в процессе принимали участие и другие великие силы, такие как тектонические движения и изменения конфигурации океанических течений?

Палеонтологи предполагают, что истинную причину вымирания следует искать во взаимодействии многих факторов. Астероид упал в то время, когда мир уже и без того менялся. Великий суперконтинент Пангея распался на части, и Северная и Южная Америки неспешно перемещались на восток, создавая своим перемещением постоянно расширяющийся Атлантический океан – океан, которому в грядущие десятки миллионов лет будет суждено сыграть главную роль в становлении человека, в эволюции лошадей, в образовании путей перелетов птиц, а также в пульсации ледников и чередовании дождливого и засушливого климатов.

Эти долгосрочные события, произведенные нашей всегда бурлящей энергией планетой, вероятно, в большей степени повлияли на появление лошадей и людей, чем кратковременный удар пусть даже гигантского астероида. Так что, хотя палеонтологи и не сомневаются в факте падения, роль его до

сих пор остается предметом постоянных разногласий и противоречий. В 2010 году в журнале *Science*⁵⁶ появилась статья за подписью сорока одного автора, в основном не связанных с палеонтологией, утверждавшая, что астероид был «единственной» причиной вымирания. Она, в свой черед, послужила причиной изрядного скепсиса, проявленного палеонтологами во время перерывов на обед. Озвучивая мнение многих коллег, работавший в Йельском университете палеонтолог Крис Норрис назвал подобный упор на катастрофу в качестве основной эволюционной силы «астероидной порнографией».⁵⁷ «Популярные описания результатов ударного воздействия, – пояснил он, – обладают неким болезненным, граничащим с безвкусицей свойством». Такое мнение обоснованно: климат на планете уже менялся в течение 10 млн лет до падения астероида. Динозавры наслаждались стабильностью среды обитания не в большей степени, чем мы сейчас.

«Не поймите меня превратно, – сказал мне в личной беседе Дэвид Арчибальд, специалист по млекопитающим, существовавшим до и после падения астероида. – Это не просто был неудачный день в истории планеты. Это был день великого невезения. Однако тучи над тогдашним раем сгу-

⁵⁶ *Peter Schulte et al. The Chicxulub Asteroid Impact and Mass Extinction at the Cretaceous-Paleogene Boundary // Science 327, 2010. P. 1214–1218.*

⁵⁷ *Chris Norris. With Neither Bang, Nor a Whimper. Blog entry. Prerogative of Harlots, April 28, 2009. URL: <http://paleocoll.blogspot.com/2009/04/with-neither-bang-nor-whimper.html>*

щались уже давно». Подробное обсуждение проблем, связанных с началом широкого распространения млекопитающих по планете и палеонтологических последствий воздействия астероида, оставившего ударный кратер Чиксулуб, содержится в его книге.⁵⁸

В любом случае после падения астероида начался своего рода доисторический захват земель. Огромные запустевшие территории оказались открытыми для заселения. Чтобы захватить их, нужно было всего лишь приспособиться к местным условиям. А мы, млекопитающие, отлично справляемся с задачами подобного рода. Оставшиеся в живых представители нашей родни быстро приобрели новые формы и размеры. Некое подобие этого процесса я усматриваю в появлении интернета, когда никто не был способен даже отдаленно предсказать, что ожидает нас в будущем, полном новых возможностей.

Мы достаточно мало знаем о том, как млекопитающие приспособлялись к новым условиям, однако известно, что за эти 10 млн лет растительность изменилась самым драматическим образом. Вечнозеленые леса, покрывавшие существенную часть поверхности земли, ушли в прошлое, а листопадные широколиственные растения, согласно мнению эколога Бенджамина Блондера, начали очень медленно занимать доступное пространство. Распространение таких расте-

⁵⁸ *David Archibald. Extinction and Radiation: How the Fall of Dinosaurs Led to the Rise of Mammals. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2011.*

ний с их вкусной и сочной листвой создало изобилие легкоперевариваемой пищи.

Это сподвигло млекопитающих к перемене образа жизни. Возник новый тип млекопитающих – животные, питающиеся не насекомыми, а цветками, плодами, листьями кустарников и в ограниченной степени редкими, только появившимися на Земле травами. Многие из таких биологических видов неизбежно должны были столкнуться с неудачей, стать эволюционными тупиками, вымереть в палеонтологическое мгновение ока.

Однако некоторые добились выдающихся успехов. Кони и приматы относились к числу триумфаторов. (Наверное, нам не стоит слишком гордиться подобными достижениями. По словам Кристины Джейнис, мы стали победителями «за неимением лучших».⁵⁹)

* * *

С Притор и Келли мы бродили по Поулкэт-Бенч в надежде найти какую-нибудь из великолепных окаменелостей, однако я скоро сдалась. Филип Гингерих, пользующийся всемирной славой палеонтолог и знаток ископаемых останков лошадей, однажды сказал мне, что, когда он впервые посетил эту местность молодым еще ученым в 1970-х годах, ока-

⁵⁹ *Janis. Victors by Default. P. 173.*

менелости можно было найти прямо на поверхности земли, однако время таких легких находок давно миновало. Притор разыскивала кольца типа: каменные круги, в доевропейские времена обрамлявшие основания шатров индейцев, любивших останавливаться здесь ради превосходного вида – совсем как наши современники летними вечерами.

Келли искала ориентиры среди далеких гор – природные знаки, которыми век назад руководствовались ее собственные предки, чтобы ориентироваться в пространстве и времени, когда пригоняли в эту глушь стада овец.

«Вот Конская Голова, – сказала она, указав на большой и заметный снежник вверху водостока Ишавуа на склоне горного хребта Абсарока. – Снег на носу и на поводьях уже тает. Это означает, что высокая вода сошла и можно вести свои стада в горы и спокойно переправляться через реки».

Я увидела, что она совершенно права. Только в ущелье под одной из самых высоких горных вершин даже в начале июля оставалось большое количество снега, и снежник в самом деле был похож на голову коня.

«Кони здесь явно у себя дома», – сказала я.

Земли Вайоминга невозможно представить без лошадей. Местное население тем или иным способом в течение веков приспособляло годовой ритм своей жизни к ритму жизни коней. Без них выживать здесь было непросто. Сразу же, как испанцы завезли в эти края одомашненных лошадей, коренные американцы немедленно осознали их ценность и сдела-

лись одними из лучших в мире наездников. Когда прапрадед Келли, мормон, оказался в Вайоминге в конце XIX века, «обладать лошастью» означало «выжить». Здесь начинал свою карьеру известный преступник Бутч Кэссиди, впервые попавший в тюрьму за кражу лошадей. Учитывая жизненную важность этого домашнего животного, Бутчу повезло, что он избежал виселицы.

Лошади были ценными и тогда, когда в 1950-х годах отец Филлис Притор привез ее девочкой в Вайоминг. Конечно, к этому времени здесь уже появились автомобили, но им необходимы дороги, а их в здешней глуши насчитывалось немного. Какое-то время ее отец зарабатывал на жизнь объездкой коней. Потом он устроился егерем в заповедник и проводил свою жизнь в седле, разъезжая по диким просторам Вайоминга, куда автомобили тогда – да и теперь тоже – не способны были проникнуть. Притор часто сопровождала его. Верхом на своем пони она основательно изъездила эти места. Подозреваю, что Притор в тот или иной момент своей жизни прошла, проехала, ну в крайнем случае видела каждый сантиметр территории этих гор. С ее точки зрения, есть нечто успокоительное в том знании, что кони 56 млн лет прожили в том же краю, где ныне живут лошади гор Маккуллох и Прайор.

Конечно, важно помнить, что в те времена, когда здесь обитали эогиппусы, Вайоминг выглядел совершенно иначе. Здесь было влажно – настолько влажно, что окрестность по-

крывал тропический лес. Здесь не было холодоустойчивых деревьев. Не было пропыленного воздуха, не было сухой и твердой, покрытой пылью почвы. Ее заменяла влажная и болотистая земля.

Кроме того, здесь было жарко. Какое-то недолгое время даже *очень* жарко, куда жарче, чем во время моего визита. Доказательства описаны, например, Филом Жардином.⁶⁰ По сути, на планете как будто бы произошел внезапный тепловой взрыв, столь же удивительный в своем роде, как падение астероида за 10 млн лет до него. Любопытно, что этот тепловой максимум совпал с появлением на свет приматов и коней Поулкэт-Бенч. Температура в некоторых местах за очень короткое время подскочила на 6–8 °С, замерла ненадолго на этом максимуме, а потом столь же внезапно образом опустилась. Причина этого резкого пика остается невыясненной, однако он мог стать следствием крупных выбросов метана из глубин океана. Этот пик на графиках, иллюстрирующих подъемы и падения температуры в истории нашей планеты, напоминает, на мой взгляд, контуры Эйфелевой башни. Эта аномалия носит официальное название «Палеоцен-эоценовый термический максимум» или просто РЕТМ, однако я предпочитаю видеть в ней Эйфелеву башню жары, резкие контуры роста и падения которой так напомина-

⁶⁰ Phil Jardine. Patterns in Palaeontology: The Paleocene-Eocene Thermal Maximum // Paleontology Online 1, 2011. P. 5. URL: www.palaeontologyonline.com/articles/2011/the-paleocene-eocene-thermal-maximum/

ют изящный силуэт символа Парижа. Странное, невероятное событие.

И вдвойне странно, что и лошади, и приматы могут равным образом хотя бы отчасти связывать свое существование с этим максимумом: пик обозначает начало эоцена, когда в свои права вступили не только лошади и приматы, но и в целом большинство современных групп млекопитающих. История многих животных прослеживается от этого загадочно-теплого пика. Похоже, что в это время вся планета уподобилась колоссальной чашке Петри,⁶¹ доведенной до кипения невероятной горелкой Бунзена.⁶² И *voilà!*⁶³ Мир, только что погруженный в послееастероидный упадок, вдруг расцвел общепланетной весной.

Существуют различные мнения насчет того, возникли кони и приматы на Пуолкэт-Бенч или же пришли откуда-то еще. Некоторые палеонтологи полагают, что протолошади мигрировали сюда из Азии в самом начале потепления. В Китае была обнаружена кость очень раннего животного, которое может оказаться предком эогиппусов. Другие считают, что лошади возникли в Европе и переселились на запад. Филип Гингерих полагает, что лошади вполне могли возник-

⁶¹ Чашка Петри – лабораторный сосуд, используемый для изучения развития микроорганизмов в питательной среде.

⁶² Горелка Бунзена – небольшая газовая горелка, изобретенная немецким химиком Робертом Бунзеном в 1857 г.

⁶³ «Вот!», «Вуаля!» (*фр.*).

нуть именно здесь, в том Вайоминге, который тогда еще не был Вайомингом, к востоку от Скалистых гор, как раз в том самом месте, где стояли мы с Келли и Притор. (Впервые я прочитала об этом в статье Роберта Кунцига.⁶⁴ Идея показалась мне настолько необычной, что я поинтересовалась мнением о ней Гингериха. «Почему бы и нет?» – ответил он.)

Еще большие разногласия существуют по поводу происхождения приматов. Некоторые исследователи считают, что мы возникли в Северной Америке, другие – что в Азии, а третьи переносят нашу родину в Европу. Еще одна группа исследователей в манере Гекльберри Финна полагает, что приматы возникли в Африке, затем верхом на отделившейся от Африки континентальной Индийской плите приехали в Азию, где спешили и распространились по всему Северному полушарию, в котором тогда было достаточно тепло и уютно.

При всем изобилии существующих теорий материальные свидетельства указывают на то, что самые ранние эогиппусы и самые ранние настоящие приматы совершили свой великий выход на сцену жизни сообща, причем вторые обитали на деревьях, а первые паслись под ними. И если на Поулк-эт-Бенч мы еще не были подобранной друг к другу парой, если еще не заключили дружеский союз, то, безусловно, жили в тесном соседстве.

Странными были эти мелкие зверушки, эти «кони зари».

⁶⁴ Robert Kunzig. World Without Ice // National Geographic, October 2011.

Они, конечно, ничем не напоминали тех животных, которым по прошествии 56 млн лет суждено было выступить в Кентуккийском дерби.⁶⁵ Однако, как я уже говорила, если знать, что ищешь, в этих ранних окаменелостях вполне можно обнаружить некоторые из основных характеристик существ, называемых нами «лошадьми».

* * *

Я конечно же *не* знала, что ищу. С детских лет мне не раз приходилось видеть окаменелые останки эогиппусов в музеях, однако я никогда не понимала, почему ученые усматривают в этих странных низеньких созданиях именно «лошадей». Что именно «лошадиного» в этих скелетах? Я немного знала о том, что пяточная кость и коленная чашечка есть и у людей, и у лошадей, но хотела знать больше. Пока что останки эогиппуса в музейной витрине, на мой непросвещенный взгляд, скорее напоминали собачьи кости.

Так почему эти животные не стали собакой?

Я позвонила Филу Гингериху. Он посоветовал мне рассмотреть астрагал, кость, присутствующую как у древних, так и у современных лошадей. Конский астрагал уникален. Он эквивалентен таранной кости, расположенной посреди человеческой лодыжки, позволяющей нам делать кругооб-

⁶⁵ Кентуккийское дерби – самые популярные в США скачки, ежегодно с 1874 г. проводящиеся в Луисвилле, штат Кентукки.

разное движение стопой. Однако конский астрагал имеет другую форму. Наша таранная кость, вторая по величине в стопе, позволяет нам изменять угол между стопой и ногой. Именно поэтому мы способны пользоваться ногами, взбираясь на деревья.

Удивительным образом еще 56 млн лет назад конский астрагал приобрел особые очертания. Он расположен перед скакательным суставом или пяточной костью и ко времени появления самой ранней из известных лошадей отличался от астрагала приматов, которому было суждено стать нашей таранной костью. Уже в это время конский астрагал был покрыт глубокими бороздками и ограничивал подвижность сустава лошади, позволяя ему двигаться вперед и назад, но не по кругу. Поэтому конь с самого начала своего бытия не был способен лазить по деревьям.

Подобное ограничение не обязательно послужило во вред лошади. Вместо того чтобы спастись от хищников на ветвях деревьев, конь выбрал другую стратегию. Благодаря глубоким канавкам астрагал ограничил перемещение ноги под скакательным суставом одной плоскостью, предоставив тем самым лошади некоторое преимущество – способность двигаться вперед быстрее других животных. Таким образом, с самого начала жизни коней их главным средством защиты стала скорость бега.

Скорость, конечно, величина относительная, и представлять себе скорость лошади следует во временном контексте.

Эогиппусы не могли бегать галопом, однако они, во всяком случае, могли прыгать, на что не были в большинстве своем способны тогдашние хищники. «Чтобы избежать опасности, – однажды сказал мне палеонтолог Майк Ворхис, – лошадь хочет бежать». Он сравнил эту стратегию со стратегией бизона, обладателя огромной башки и кривых рогов, который стремится в случае опасности начать драку: «На мой взгляд, важно, что с самого начала истории коней их предки никогда не носили на черепе никаких украшений». Таким образом, благодаря окаменелостям Поулкэт-Бенч нам известно, что лошади были более «экипированы» для бегства, чем для сопротивления противнику.

Кони не были единственными раннеэоценовыми млекопитающими, направившимися по пути бега, однако среди прочих их выделяет еще одна важная черта: на задних ногах у них было нечетное число пальцев. Это весьма странно, ведь в своем большинстве унгуляты имели (да и до сих пор имеют) равное количество пальцев. Еще в эоцене травоядные бегуны разделились на две группы: непарнопалых периссодактилей (лошадей и их близкую родню) и парнопалых (парнокопытных) артиодактилей. Так называют их ученые, однако существенно здесь не само по себе число пальцев, а то, как на них распределен вес животного.

Даже в ту весьма раннюю эпоху Поулкэт-Бенч на средний палец задней конской ноги приходилась намного большая часть веса животного, чем на все остальные. В этом можно

убедиться, внимательно посмотрев на этот палец: впоследствии превратившийся в копыто современного коня, он был крупнее, чем оба внешних. Парнопалые артиодактили к тому времени уже избрали путь, на котором нельзя было изобрести стопу всего лишь с одним пальцем. Эогиппусы оставили для себя этот вариант открытым.

Крупный средний палец стал ключевым фактором в благополучной эволюции лошадей. С течением времени кони стали переносить на средний палец все большую и большую часть своего веса, пока боковые пальцы не сделались бесполезными и не отмерли вовсе. В результате этого эволюционного решения 56-миллионлетней давности Уиспер получил возможность переносить свой вес на задние ноги и в изящном прыжке преодолевать ограду своего загона в поисках воды. Квотерхорсы (см. илл. 9 на вклейке), следуя за коровой, научились разворачиваться на месте, а лошади, прошедшие высшую школу верховой езды, стали способны исполнять *леваду* и *курбет*.⁶⁶ Когда конь из Фогельхерда, подобрав задние ноги, поднял спину и голову или когда жеребцы горы Прайор противостояли друг другу, они были обязаны своей способностью блеснуть силой этому раннему эволюционному выбору, восходящему к Эйфелевому максимуму жары, к раннему эоцену и, быть может, к тому самому месту на Пулкэт-Бенч, где стояли мы с Притор и Келли.

⁶⁶ Левада – стойка на задних ногах. Курбет – прыжок вверх-вперед на задних ногах.

Теперь я это знаю, однако до сих пор, когда вижу эогипусов, мое сердце болит за них точно так же, как в детстве. Им явно неудобно. Со своими высокими изогнутыми спинами они напоминают моего бордер-колли, с равной легкостью способного изгибаться вверх и вниз, направо и налево. Лошадям с Поулкэт-Бенч не хватает прочного хребта, высокой холки и прямых берцовых костей, которые позволяют современным лошадям принимать столь властную позу подобно Дюку. Даже не могу представить себе те аллюры, которыми могли передвигаться эти ранние лошади. Задолго до поездки в Поулкэт-Бенч я спросила у палеонтолога Марджери Кумбс, знакомившую меня с окаменелостями лошадей в палеонтологическом музее Колледжа Амхерст, о том, какой самый быстрый аллюр был им доступен.

Она ответила: «Быстрый бег».

Звучало это не очень-то благородно.

С точки зрения скаковой практики это не выдающееся достижение, однако ничего лучшего тот век предложить не мог. Впрочем, этого, наверное, вполне хватало, поскольку в те дни ранние кони и прочие их непарнопалые родственники (предшественники тапиров и носорогов) водились в большом числе – намного большем, чем равнопалые артиодактили.

Существует множество других признаков, отличающих этих самых ранних из лошадей от современных. Шеи эогипусов можно назвать удлинненными, но не длинными. Им

пришлось бы едва ли не становиться на колени, чтобы пощипать травку, если бы ее было много. Их головы были посажены невысоко, так что даже если бы им сильно захотелось, как коню из Фогельхерда, горделиво оглядеться по сторонам, они не смогли бы этого сделать.

Головы их также лишь напоминали лошадиные – но не слишком. Морда, пожалуй, была слегка вытянутой, однако все же коротковатой по современным стандартам. Глаза были посажены посередине черепа, а не ближе к ушам. Современные кони обладают почти 360-градусным полем зрения, так что они могут видеть не только перед собой, но и позади. (Вот почему лошади часто носят шоры, так как блестящий корпус полированного «хищника» за спиной пугает их.) Эогиппусы обладали куда более ограниченным зрением.

На ногах эогиппусов также имелись подушечки, как у собак и кошек. Однако каждый палец заканчивался миниатюрным протокопытом, похожей на коготь структурой, защищавшей подушечку. Это протокопыто было слишком тонким, чтобы принять на себя вес животного. Пальцы расходились настолько, что вес животного приходился скорее на подушечки, чем на эти копытца. Как ступни современного лошади столь широки, что это громадное и тяжелое животное может пересекать болота, так и ступни первых лошадей представляли им большую площадь опоры, так что эогиппусы не тонули в болотах, среди которых обитали.

Интересный момент: лошади первоначально возникли не

для того, чтобы жить на жесткой и сухой земле, как в современном Вайоминге, а в заболоченном и влажном краю, быть может похуже, чем в джунглях, в которых в наши дни обитают тапиры, близкие родственники лошадей. Быть может, именно глубинная память об этом позволяет современным лошадям жить в таких регионах, как Камарг или острова Атлантического побережья.

* * *

Большинство людей с трудом сможет угадать в эогиппусах предков современных лошадей, однако что можно сказать об эуприматах, мелких созданиях, составлявших компанию лошадям того времени? Мы, неспециалисты, не сразу опознаем «лошадь» в окаменелых останках эогиппуса, однако признать собственную родню в приматах Поулкэт-Бенч совсем не трудно. Мы не нуждаемся в том, чтобы сотрудники музеев указывали нам на общие черты наших скелетов. Родство достаточно очевидно. В книге «Начало века млекопитающих»,⁶⁷ материалами которой я широко пользовалась, палеонтолог Кен Роуз приравнивает этих ранних приматов, уже приспособившихся к прыжкам и хватанию, к современным галаго. Эуприматы весили всего несколько сот граммов, а зубы их были меньше зернышек риса. Экстравагантного

⁶⁷ *Kenneth D. Rose. The Beginning of the Age of Mammals // Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006.*

вида хвосты, скорее всего, помогали сохранять равновесие при прыжках с одной ветки дерева на другую.

Однако они уже имели относительно более крупный мозг, чем большинство остальных млекопитающих.

Если черепа перволошадей были несколько вытянуты, то лицевая часть черепов приматов сделалась более плоской. Глаза их чуть сдвинулись на лице вперед, обеспечивая тем самым предпосылки к возникновению бинокулярного зрения. На концах передних конечностей возникла не лапа, а подобие ладони. Отстоящий хватательный большой палец, которым мы, люди, так гордимся, уже развился, хотя и в очень примитивной форме. Нельзя сказать, чтобы эти изменения определили будущее примата – эволюция еще не выложила все свои карты на стол, – однако мы без труда угадываем в скелетах этих ранних животных черты своих предков.

* * *

Хотя *самая ранняя* среди известных нам окаменелая кость лошади была найдена в Пуулкэт-Бенч, первая получившая *название* окаменелость лошади была обнаружена в Англии в 1830-х годах. По иронии судьбы, ископаемое обнаружил Ричард Оуэн, уважаемый ученый, который впоследствии сделался ярким критиком Чарльза Дарвина. Оуэн не признал в описанной им древности раннюю лошадь, дал ей имя *Hyracotherium* и предположил, что она может являться

дальним родственником современного кролика. Когда многочисленные останки теперь уже признанных таковыми ранних лошадей обнаружались в Северной Америке, ученые дали им новое имя – эогиппус. Родственная связь североамериканских лошадок и гиракотерия Оуэна какое-то время оставалась незамеченной из-за ограниченных возможностей трансатлантической связи. Номенклатурный вопрос остается неразрешенным и по сей день: некоторые ученые видят в эогиппuse и гиракотерии одно и то же животное, другие не согласны с ними. Подобные разногласия в принципе указывают на то, насколько близкими в начале эоцена были многие виды животных. В XXI веке принять современную лошадь за современного кролика невозможно, однако в начале эоцена многие виды животных на эволюционном древе еще только начинали расходиться.

И многие из них – к примеру, кони и кролики – были довольно похожи.

Кроме того, в XIX веке между учеными шли ожесточенные споры об эволюции лошадей вообще. Разногласия среди палеонтологов способны принимать довольно резкий характер, а трактовка эволюции лошадей привлекала особое внимание европейских исследователей. Окаменелые конские кости достаточно часто встречаются в горных породах Европы (поздние лошади легче поддаются идентификации, чем ранние), однако, как ни странно, они присутствуют только в определенных геологических слоях. К эпохе эоцена, кото-

рая закончилась около 34 млн лет назад, европейские палеонтологи относили только маленьких лошадей. Потом кони на какое-то время словно бы исчезли из Европы. В слоях моложе 10 млн лет кони появляются снова и в большом количестве, и это уже другие животные, более крупные и более похожие на лошадей, несмотря на то, что у них по-прежнему оставалось три пальца. А потом их в великом множестве сменили однопалые кони.

Подобные странности в хронологии лошадей причинили немалую головную боль Чарльзу Дарвину, которому процесс эволюции представлялся гладким и равномерным, подобным тихому английскому летнему дождику.⁶⁸

Дарвин не уделял существенного внимания вспыхивающим разногласиям (когда напряжение оказывалось слишком большим, он перебирался на любимый курорт), и его теория не учитывала внезапных тепловых выбросов, падений астероидов и захватов млекопитающими свободных территорий. Эти открытия были сделаны уже по прошествии многих лет после его смерти. Во времена Дарвина невозможно было предположить, что Бог мог создать неблагоустроенную планету. Тот факт, что, согласно его теории, жизнь менялась

⁶⁸ Биографии Дарвина многочисленны. Моя любимая и, по мнению многих, самая подробная – объемный труд Адриана Десмонда и Джеймса Мура «Дарвин: Жизнь измученного эволюциониста» (*Adrian Desmond, James Moore. Darwin: The Life of a Tormented Evolutionist // N. Y.: Warner Books, 1992*), на который я опираюсь, говоря о состоянии здоровья ученого в разные периоды его жизни и его склонности к посещению курортов.

в мире, полностью статичном в глазах его современников, выглядел достаточно противоречиво в глазах самого Дарвина, и концепция взрывных перемен выходила далеко за пределы того, что он мог воспринять.

И теперь – вот они, эти невероятные конские окаменелости, которые не обнаруживают непрерывности во времени. Лошади появились в Европе и исчезли из нее внезапно, словно по велению фокусника: «Вот мы их видим! А теперь не видим». С точки зрения Дарвина, это было абсолютно недопустимо. Собственно, дело было не столько в том, что в какое-то время лошади были, а в какое-то нет, сколько в том, что, явившись снова после миллионов лет отсутствия, они стали совсем *другими*.

Не просто слегка изменившимися, как кони острова Сейбл, ноги которых короче, чем у лошадей равнин, а, можно сказать, целиком и полностью другими. Сперва они были маленькими, потом стали большими. Сперва у них было четыре пальца на передних ногах, потом вдруг стало три – и наконец остался вообще один палец. Дарвин размышлял об этом задолго до того, как мы получили представление о генетике и ДНК, и, с точки зрения европейцев того времени, эволюция лошадей не поддавалась никакой логике. И казалась прямо-таки безумной.

Но, что хуже того, отсутствие явной последовательности, ведущей от одного варианта коня к другому, предоставляло питательную среду для аргументов его врагов, и в том чис-

ле Оуэна. Дарвин и прочие исследователи в те времена не могли представить себе, что целые этапы эволюции лошадей пока еще остаются неизвестными, и вообще никому из них в голову не приходило обратиться за разгадками к Новому Свету. Когда европейцы впервые приплыли в Западное полушарие, они не обнаружили там лошадей. Совсем. Их не было в Северной Америке. Их не было в Южной. Их не было на равнинах и не было в горах. Ученые, ничего не знавшие о тектонике плит и постоянно расширявшемся Атлантическом океане, просто предположили, что кони были животными Старого Света и в Западном полушарии их никогда не было.

Еще молодым человеком Дарвин обнаружил важный ключ к решению этой загадки, однако не сумел полностью понять его значение. Во время своего семилетнего плавания на британском исследовательском корабле «Бигль» он предпринял кратковременный поход в чилийские Анды. И там, надо же было так случиться, он нашел ископаемый зуб, явно принадлежавший лошади. В чем же дело? Как попал этот зуб на вершину горы? На этот вопрос у Дарвина не было однозначного ответа. В Чили он стал свидетелем землетрясения,⁶⁹ которое, как он видел, подняло в некоторых местах почву на пару метров, и понял, какие силы могут созидать горы. Но что делал здесь конь, которому положено быть в

⁶⁹ *Marcia Bjornerud. Reading the Rocks: The Autobiography of the Earth. N. Y.: Westview Press, 2005.*

Старом Свете?

Дальнейшее любопытство его подогревал другой факт: кони, завезенные европейцами в Америку, жили и процветали как в южноамериканских пампасах, так и на североамериканских равнинах. Несколько беглых лошадей дали потомство, заселившее Западное полушарие. Всего за один век сотни привезенных коней превратились в десятки тысяч. И все они явно чувствовали себя как дома.

Дарвин находился в недоумении. Весь комплекс свидетельств (конский зуб, найденный у вершин Анд; многочисленные находки окаменелых останков лошадей в одних слоях европейских геологических отложений при полной стерильности других слоев; отсутствие живых лошадей в Западном полушарии до открытия Америки вкупе с их последующим распространением по пампасам и равнинам) не давал ему покоя. Мир, по представлениям того времени, просто не мог быть настолько нестабильным, однако конские окаменелости, обнаруженные в европейских горных породах, будто рассказывали ученому совершенно другую историю: сегодня здесь, а завтра там. Одно дело проповедовать логичные и плавные перемены, другое – утверждать, что природа может меняться катастрофически быстро.

Таким было положение дел к 1877 году, когда английский гений Томас Генри Хаксли,⁷⁰ сторонник Чарльза Дарвина и

⁷⁰ История эта пересказывается в сотнях книг и статей. Мне ее поведал Крис Норрис, когда я посетила Йельский музей естественной истории Пибоди. – *Прим.*

злейший враг Ричарда Оуэна, прибыл в Нью-Йорк, чтобы прочитать там лекцию. Перед выступлением Хаксли посетил Коннектикут, желая встретиться в Йельском университете с палеонтологом О. Ч. Маршем.⁷¹ Этот фанатичный собиратель окаменелостей располагал сотнями костей древних лошадей, извлеченных из песков Вайоминга и прочих местностей американского Запада.

Марш выложил перед Хаксли целую последовательность останков лошадей, в том числе и такие, которых не было в Европе. Тут-то Хаксли и увидел то, о чем мечтал Дарвин: разложенные Маршем находки демонстрировали, как менялась нога лошади в течение миллионов лет. Марш показал Хаксли различные этапы этого пути: лошадиные ноги с четырьмя передними пальцами, чуть менее древние с тремя, еще моложе с пальцами почти одинакового размера, затем с очень большим средним и маленькими боковыми, а потом еще более поздние – с огромным средним пальцем и двумя настолько маленькими боковыми, что Марш (ошибочно) счел их бесполезными. Завершала всю линию лошадь с единственным средним пальцем.

Логика! Наконец-то! Порядок вернулся во вселенную

автора.

⁷¹ Отниэль Чарльз Марш (1831–1899) – американский палеонтолог, президент Национальной академии наук в 1883–1895 гг., племянник финансиста и филантропа Джорджа Пибоди, основавшего Музей естественной истории Пибоди при Йельском университете на основе коллекций из раскопок Марша в Скалистых горах.

Дарвина! Хаксли в восторге передал информацию Дарвину, для которого эволюция означала нечто вроде «постепенного восхождения жизни». История коней теперь доказывала его правоту. Лошади в начале своего развития были мелкими и незначительными животными, но посредством неспешных ровных шагов стали такими, какими им «назначено» быть. В этом сразу усматривались процесс и – лучшее из всех викторианских существительных – прогресс.

Ученые ошиблись, предположив, что эволюция лошадей происходила исключительно в Старом Свете, и ошибку эту следует признать вполне закономерной с учетом того, что к прибытию европейцев лошадей в Новом Свете уже не осталось. Исследования Марша показали, что эволюция коней главным образом протекала в Северной Америке. Эпизодическое появление лошадей в каменной летописи Европы указывало всего лишь на то, что некоторым их видам удавалось просочиться из степей Нового Света в степи Старого.

Марш так же был в восторге. Получая образование в Европе, он успел усвоить, что лошадь «была подарком Старого Света Новому». Теперь же ему удалось доказать, что верно как раз противоположное: лошадь – дар Нового Света Старому. Для него это был предмет гордости континентального масштаба.

Но это еще не всё. Во время встречи в Йеле Марш сообщил Хаксли, что располагает окаменелыми останками раннего примата, также обнаруженными на американском Запа-

де.

Тут Хаксли осенило: выходит, что кони и приматы сотрудничают гораздо дольше, чем можно было предположить. Он набросал комическую картинку, на которой воображаемый эохомо⁷² скачет верхом на воображаемом эогиппусе, и подарил ее Маршу.

Задолго до знакомства с Рэнсомом, Притор и Келли я, размышляя над удивительным вкладом лошадей в биологическую науку, побывала у палеонтолога Криса Норриса, автора фразы про «астероидную порнографию». Норрис – хранитель собранной Маршем коллекции лошадиных костей в Йельском музее естественной истории Пибоди. Я спросила его, почему кони всегда находились в центре дискуссии об эволюционном развитии.

«Чтобы заметить изменения, – ответил Норрис, – необходимо наличие большого количества ископаемого материала, и в случае с лошадьми находки чрезвычайно обильны. Окаменелости позволяют изучать их историю теми способами, которые не всегда возможны, когда дело касается прочих животных». Подобные исследования можно проводить на морских моллюсках, однако история раковин не обладает такой наглядностью. Драматические изменения формы ракушек не слишком волнуют людей, а вот изменение числа пальцев на ноге лошади достаточно впечатляет. «Повесть, которую рассказывают раковины, не настолько убедительна,

⁷² Эохомо («человек зари») – шуточная аналогия с эогиппусом.

как та, что рассказывают кости коней, – сказал Крис. – Лошади символичны и доступны».

А потом добавил: «Кони умеют рассказывать».

Конечно, их история, какой ее понимали Дарвин, Марш и Хаксли, точна только отчасти. Для этих исследователей изменение числа пальцев на ноге лошади представляло собой проявление очаровательной викторианской басни о совершенстве. С их точки зрения, лошади были «обязаны» иметь только один палец с копытом на ноге и челюсть, полную эффективно функционирующих жевательных коренных зубов, позволяющих им с увлечением вкушать сладкое сено.

Викторианцы воспринимали появление этих ранних лошадей как начало процесса, ведущего к современным величественным животным. По их мнению, кони сперва были мелкими и скромными созданиями, однако посредством миллионов лет «прогресса» превратились в наилучших из возможных лошадей, достойных жить в наилучшем из возможных миров рядом с наилучшими из всех возможных приматов – то есть рядом с нами. В глазах викторианцев эволюция была однонаправленным процессом. Конечный результат был предопределен. Никакие скитания по палеонтологическим лабиринтам, зачастую приводящие в тупики, не допускались.

Сегодня мы знаем, что история лошадей повествует нам не о пути к «совершенству», а о чудесных преобразованиях на такой изменчивой планете. В книге «Читая кам-

ни» (Reading the Rocks) геолог Марсия Бьернеруд излагает эту идею более формально: «Природные системы удивительно стабильны именно потому, что никакой режим не остается постоянным и ни одно равновесие не бывает абсолютным». Жизненная повесть лошадей понятна нам почти в той же мере, как и самому Чарльзу Дарвину, однако теперь это история *процесса*, а не *прогресса*: кони с острова Сейбл обзавелись «козлиными» ногами благодаря уникальным природным обстоятельствам, а не потому, что они движутся к какому-то конкретному, назначенному судьбой козлоподобию. Малышки-перволосади менялись не потому, что большим и быстрым живется лучше, а потому, что менялся весь окружающий их мир. Сталкивались тектонические плиты. Менялись океанские течения. Росли горы, а потом рассыпались в пыль. Мир становился жарче. Мир становился холоднее. Если бы обитавшие в подобном геологическом и метеорологическом пандемониуме ранние лошади не обладали способностью изменяться, они бы вымерли достаточно быстро.

Наша планета бурлит энергией. Для того чтобы выжить, жизненные формы должны эволюционировать в такт любым планетарным изменениям, и резким, и мягким – и нам, людям, отрадно сознавать, что у нас это получилось. Кони и люди выступают победителями. Это доказывает столь же выдающийся, сколь неожиданный пример, представленный на Поулкэт-Бенч.

Много лет Филипу Гингериху принадлежал рекорд откры-

вателя самой древней конской окаменелости, обнаруженной на этой террасе. Однако не так давно другим палеонтологам удалось обнаружить окаменелость перволошади несколько более древней, чем найденная Гингерихом. Интересно, что это животное было не только старше, но и крупнее. Оно, по всей видимости, обитало в мире с чуть более пышной растительностью. С наступлением температурного максимума на Пуулкэт-Бенч пришли засушливые времена. Флора начала меняться. Лошади отреагировали на изменения растительности тем, что сами стали меньше. Гингерих сообщал мне, что найденное им животное имело размеры сиамского кота. Недавно обнаруженная окаменелость соответствовала размерам небольшой собачки.⁷³

Гингерих располагал и другими свидетельствами того, что кони эволюционировали, следуя за изменением своей среды обитания.⁷⁴ Нам известно, что лошади уже тогда обладали склонностью к коллективной жизни, так как их останки часто находятся группами, однако социальная организация их сообществ отчасти зависела от того, где они жили: в густом лесу или на более открытой местности. Гингерих обнаружил, что ископаемые останки животных, обитавших на менее залесенных территориях, демонстрируют явные раз-

⁷³ *Ross Secord et al. Evolution of the Earliest Horses Driven by Climate Change in the Paleocene-Eocene Thermal Maximum // Science 335, 2012. P. 959–962.*

⁷⁴ *Philip D. Gingerich. Variation, Sexual Dimorphism, and Social Structure in the Early Eocene Horse Hyracotherium (Mammalia, Perissodactyla) // Paleobiology 7, 1981. P. 443–455. URL: www.jstor.org/stable/i317541*

личия в размерах между самцами и самками, причем самцы были процентов на пятнадцать крупнее самок. При исследовании их сородичей, обитавших в густых лесах, подобной закономерности обнаружено не было. Исходя из этого, Гингерих заключил, что кобылы, жившие на открытых местах, собирались группами и самцам приходилось драться за право жить рядом с такими коллективами. В условиях густого леса кобылы вели более уединенную и независимую жизнь, и самцам предоставлялась возможность продолжить род без драки. Поэтому величина тела не имела для них особого значения.

Но не все особенности допускают такую же гибкость, как другие. Кости ног лошадей с острова Сейбл смогли приспособиться достаточно быстро, однако похоже, что зубы обычно изменяются намного медленнее. Глядя на нынешних коней, мы восхищаемся их копытами, могучими шеями, их способностью вставать на задние ноги. Мы редко заглядываем им в зубы. А ведь именно зубы современных коней позволили им жить в таком множестве разнообразных мест, питаясь при этом утесником или усыпанной песком прибрежной травой. Вполне возможно, что перволошади не смогли бы долго протянуть на диете коней острова Сейбл.

Современные лошади обладают зубами, имеющими длину 10–30 сантиметров и так глубоко уходящими в челюсть, что немногие из нас имеют представление о том, насколько они длинны, мощны и эффективны. Еще когда я была ребенком,

мне, как и многим моим друзьям-любителям коней, рассказывали, что зубы лошадей в буквальном смысле растут в течение всей их жизни.

На самом деле это не совсем так. Как и у людей, зубы лошадей полностью вырастают к тому времени, когда животные становятся взрослыми. Но если наши зубы полностью поднимаются над деснами в детстве и затем остаются на своем месте (если повезет) до конца жизни, зубы лошадей ведут себя иначе. Они поднимаются над лошадиными деснами гораздо медленнее, чем наши с вами. Этот процесс *поднятия* может продлиться до двадцати лет.

Медленное поднятие зубов – безусловное благо для животных, обитающих в природных условиях. Этот процесс позволяет им питаться травой попеременно с песком на острове Сейбл или поедать колючий утесник, который также изнашивает зубы. Если бы зубы свободно живущих лошадей не поднимались постоянно над деснами, то скоро бы сносились, и лошади умерли бы, не оставив потомства.

У перволошадей не было таких огромных зубов, так как они не нуждались в них. Их изящные рыльца часто были обращены вверх, и передние зубы, верхние и нижние резцы, были приспособлены к ощипыванию побегов на концах веток. Этим примечательным щиплющим зубам суждено было изменяться по мере того, как менялась жизнь растений в течение следующих 56 млн лет.

Аналогичным образом у первых коней не было крупных

жевательных зубов (моляров). В их существовании не было необходимости. Имеющиеся жевательные зубы были приспособлены скорее к раздавливанию свежих плодов, чем к измельчению их. Затем, когда кони начали питаться новыми видами растительности, их моляры коренным образом изменились. Эогиппусы не сумели бы прокормиться одной травой, однако тогда это не имело значения, поскольку лугов еще не существовало, а кроме того, было еще слишком сыро для того, чтобы травы – «специалисты по засухе», если воспользоваться определением автора из Саскачевана Кэндис Сэвидж, – процветали.

Тем не менее зубы ранних лошадей и ранних приматов представляли собой высокотехнологичные устройства для своего времени, а в их конструкциях можно было обнаружить определенные тонкости. Большинству полевых палеонтологов достаточно увидеть ископаемый зуб, для того чтобы понять, что он принадлежит млекопитающему, – причем будет ясна и его видовая принадлежность.

Некоторые специалисты способны сделать подобный вывод на основании фрагмента зуба. Я испытываю глубокое уважение к подобному мастерству, поскольку не обладаю нужным для этого терпением. Зубы дали повод для написания несчетного числа палеонтологических статей, живописующих едва ли не на микронном уровне бугорки и рытвины на коронке одного зуба.

Зачастую палеонтологу приходится работать только с зу-

бами. Кости – вещь хрупкая, однако зубы, твердые, плотные, уже отчасти минерализованные, практически вечны. Поэтому случается так, что новые виды животных описываются чуть ли не на основании одного-единственного зуба. Тем не менее провести целый день за чтением стопки научных статей, описывающих размеры зубов различных млекопитающих, на мой взгляд, не слишком весело. Глаза человека (*мои* в частности) от подобного занятия стекленеют.

«Сами по себе зубы не кажутся мне слишком уж вдохновляющим объектом», – сказала я как-то раз Крису Норрису, чтобы вернуть разговор в прежнее русло и не показаться при этом грубой. Что-то подобное я однажды заявила в присутствии другого палеонтолога, который отреагировал с негодованием: «Эй, такого-то вы мнения о работе всей моей жизни!» На сей раз я постаралась проявить больше такта.

Норрис, к счастью, со мной согласился, признав, что изучение ископаемых зубов увлекло его далеко не сразу. Однако, пояснил он, в одном зубе может содержаться больше информации, чем можно предположить.

Это меня удивило. Мне как-то в голову не приходило, что зуб может служить источником информации. Еще один палеонтолог, Майк Ворхис, пояснил мне ситуацию следующими словами: «Зубы имеют память».

Оказывается, зубы могут предоставить самую разнообразную информацию о питании и образе жизни животного. По сравнению с зубами большинства рептилий зубы нашей род-

ни, млекопитающих, устроены сверхсложно. Зубы большинства рептилий только режут. Мы, млекопитающие, жуем – даже измельчаем пищу, – что позволяет есть такие твердые объекты, как сырая морковь, что, в свою очередь, расширяет доступный нам пищевой рацион. Мы приобрели способность извлекать быстрые сахара из таких продуктов, как созревшие фрукты (благодаря тебе, Меловая наземная революция), что, в свой черед, помогло увеличить размеры мозга. Зубы коней с Пуулкэт-Бенч и приматов свидетельствуют о том, что эту любовь к быстрой энергии мы начали проявлять уже не менее 56 млн лет назад.

Так началась эта гонка, как ее окрестили палеонтологи, то есть состязание между млекопитающими и растениями.

«То есть, – спросила я Норриса, – такие зубы возникли сразу, как только понадобились?»

«Их появление обусловлено самой природой млекопитающих», – ответил Норрис. Быть теплокровным обременительно в плане энергии. Нам приходится извлекать максимум из каждого съеденного куса. Ученый продолжил: «Млекопитающим приходится крайне эффективно осуществлять пищеварение. Для нас эта эффективность начинается во рту. Мы не крокодилы, которые разом проглатывают свою добычу. Млекопитающие жуют, причем многие жуют растения».

Итак, дело сводится к максиме: «Не трать попусту, и нужды не будет».

Растения, конечно, в результате начали применять соб-

ственные стратегии выживания. Это объясняет, почему некоторые из них, к примеру утесник,⁷⁵ изобрели весьма эффективные оборонительные методики.

«Бегство как способ спасения растениям недоступно, – сказал Норрис, – поэтому им приходится защищаться. Для растения жизненно важно не позволить едоку отъесть от него больше чем несколько листиков. Рот млекопитающего – передовая линия этой битвы».

Итак, конфликт развивается между зубами и растением, и эволюция вечно повышает ставку. Поскольку растения используют все более агрессивные защитные стратегии, не все животные могут справиться с ними. Кони же всегда отвечали на вызов каждого нового дня и остаются до сих пор победителями.

Лошади, как показывает нам наука, – превосходные мастера приспособления.

Ученые подозревают, что ранние лошади и приматы жили по всей Северной Америке, однако существует не слишком много месторождений окаменелостей, способных доказать это. Возможно, их больше, но их трудно найти, а если они и обнаруживаются, то провести на них раскопки оказывается очень сложно. Палеонтолог Крис Берд (еще один выпускник Поулкэт-Бенч) убедился в этом еще в молодости на собственном опыте. При работе с коллекцией Йеля ему слу-

⁷⁵ Утесник – одно из самых колючих европейских растений, у которого в шипы превратились и листья, и боковые побеги. – *Прим. пер.*

чилось обнаружить окаменелость раннего примата в ящике с маркировкой: «Миссисипи». По его мнению, это была явная ошибка.

«Я прекрасно знал, что на территории штата Миссисипи никаких эоценовых приматов обнаружено не было», – сказал Берд. Так написано во всех учебниках. Но «ищите и обрящете», подумал он, приступая к поискам. В итоге Крис Берд нашел эоценового примата и ископаемые останки лошадей в штате Миссисипи – в жутком для раскопок месте, сочетавшем в себе ядовитый плющ, липкие сосны, змей, грязь и заросли кудзу с жарой и сыростью.

«Худшее место для поиска окаменелостей трудно придумать, – сказал Берд и добавил: – Это был тяжелейший труд. Нам приходилось снимать все находящиеся сверху слои, чтобы добраться до нужных, после чего мы обращались к мелким инструментам».

Слушая Берда, я начала видеть в современном Поулк-эт-Бенч некое подобие курорта.

«Нам приходилось просеивать породу, – пояснил он. – Сторонний наблюдатель решил бы, что мы моем золото. Итак, берем осадочный, содержащий окаменелости слой. Просеиваем его через мелкий грохот,⁷⁶ задерживающий все, что крупнее его ячеек. Этот просеянный концентрат или остаток отправляется в нашу музейную лабораторию. Далее

⁷⁶ Грохот – устройство для сортировки сыпучих материалов по крупности частиц путем просеивания.

техники под микроскопом отсеивают зерна от плевел».

Он занимался этим весной и осенью в течение девяти лет, последовавших за первым годом, когда, наконец, его посетила удача: ученый нашел фрагмент конского зуба, а также кость раннего примата.

«С моей точки зрения, находка оказалась невероятно интересной, – продолжал рассказывать Берд. – Останки лошади были невероятно фрагментарными. Всего лишь часть нижнего моляра. Если бы я показал ее вам, она не произвела бы на вас никакого впечатления. Тем не менее она была “полностью диагностичной”». Интересное определение.

Я спросила: «Что именно означают эти два слова “полностью диагностичной”?»

«Ваши зубы, как это и положено млекопитающему, обладают чрезвычайно сложной топографией, полной выступов и впадин. Эта топография своя для каждого из видов млекопитающих – словно отпечаток пальцев, оставленный на месте преступления».

Итак, мы, приматы, в начале эоцена сопровождали коней на территории нынешнего штата Миссисипи – примерно в то же самое время, когда другие приматы наслаждались жизнью в близком соседстве с лошадьми в сыром и буйном Вайоминге. Лошади представляются нам обитателями травяных равнин, однако, как и наши предки десятки миллионов лет назад, они умели ценить жизнь в тропиках. Размышляя на эту тему, я поняла, что вольные кони, которых я видела во

влажных местностях в различных уголках мира, занимаются тем, что делали всегда. Жизнь на островах посреди моря дается им не труднее, чем нам самим.

3

Сад Эдема появляется и исчезает

Живущие ныне лошади, обладающие жевательными зубами с высокой коронкой и монокоронными копытами, не слишком похожи на первых лошадей, созданий величиной с пуделя, обладавших четырьмя пальцами и зубами с низкой бугристой коронкой.

МАЙКЛ НОВАЧЕК

Динозавры пылающих утесов⁷⁷

Ветер – неаккуратный работник. Он груб, как кирка. И хотя ветры американского Запада открыли нам множество ископаемых, более тонкие особенности организма животного обычно теряются.

⁷⁷ *Michael Novacek. Dinosaurs of the Flaming Cliffs. N. Y.: Doubleday, 1996.* Эта книга удивительно увлекательна и интересна даже людям, не слишком увлеченным палеонтологией. Доступная и понятная, она больше рассказывает об образе жизни палеонтологов, чем о самих динозаврах. Майк Новачек не только авторитетный ученый, но и хороший писатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.